
18+

Хи Тэй Сэй

О чём скорбит Бессмертный?

«Автор»
2026

Сэй Х.

О чём скорбит Бессмертный? / Х. Сэй — «Автор», 2026

Может ли сияющий полис стать клеткой?Мегара считает, вполне возможно.А потому жизнь в нём она променивает на жизнь в жестоком каструме Тан Ихеарган, где люди просты, как три драхмы, и прямы, как линия горизонта, а главное - не стесняются назвать меч - мечом и кровь - кровью.Сможет ли неженка, ничего тяжелее книги в руках не державшая, ужиться среди народа воинов?Или чужой мир сломает её окончательно?

© Сэй Х., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение 5
Глава первая: Сияющий Полис 6
Глава вторая: В логово зверя 11
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Хи Тэй Сэй
О чём скорбит Бессмертный?

Введение

Добро пожаловать в путеводитель по моему маленькому миру.

Эта история написана по мотивам греческой мифологии, где я решила добавить элементы стимпанка. Эпиграф перед каждой главой – цитата из выдуманных рукописей внутри вселенной книги.

Хочу предупредить, что в сценах сексуального характера я намеренно опустила название гениталий, потому что для меня они сбивают общий настрой произведения. Будь, как дома. Наслаждайся и удачного путешествия. Уверена: скучно тебе не будет.

Пс.2. После полной публикации книги я также опубликую перечень всех исторических и культурных отсылок и пересечений. Можете попробовать сделать бинго и посмотреть, сколько вы нашли.

Ссылка на плейлист:
https://vk.com/music/playlist/573160722_50_ec2dcdbab15bf36cb3

Глава первая: Сияющий Полис

— Бери с собой только медный компас и флягу. Остальное – пыль на твоих сапогах.
(с) «Да прибудет с тобой Эол».

Мшаири – райское место, населённое любимцами Аполлона, чья статуя гордо возвышается в его центре. Солнце никогда не прячется от полиса за облаками, а окружающие его горы защищают от ветра и штормов. А светлые цвета домов и дорог создают ощущение, что город действительно сияет. Люди здесь никогда не болеют, а похороны не приносят горя – смерть считается освобождением от мирского, когда душа отправляется в бесконечное путешествие среди звёзд. Каждый день похож на сказку, ожившую со страниц написанной мшаирианским писателем книги – на улицах звучат пение и лёгкие, незамысловатые мелодии. У фонтана, купаясь в солнечных лучах, прекрасные барышни увлекают проходящих мимо людей в танец. Почти на каждом углу можно встретить художников, рисующих самыми разными стилями. Управлял этим местом Совет Семерых – семь уважаемых учёных, избранных самим Аполлоном.

Разумеется, не просто так сияющий полис носит громкое звание культурной столицы. В центре, сразу за статуей божества, стоит огромная библиотека, где собраны исторические записи, сборники лирики и прозы со всей страны. Прекрасная картина мира, куда хотел попасть каждый человек, хоть немного желающий связать свою жизнь с искусством. Конфета в восхитительной обёртке с тягучей медовой начинкой, сладостью растекающейся во рту.

Мегара была частью этого мира с рождения. С того самого момента, как она научилась складывать буквы в слова, она зачитывалась всеми книгами, что были на полках родительской личной библиотеки, а затем её цепкие маленькие ручки добрались и до городской “сокровищницы” в три этажа, где люди спали на складных стульях в перерывах между чтением. Свой первый рассказ, посвящённый её любимой кошке, она написала в семь лет, и безумно гордый ею отец зачитал его перед соседями, заставляя Мегара прятать покрасневшее от детского стыда лицо в длинном материнском хитоне. Мама лишь гладила её волосы, держа другой рукой двухлетнюю младшую дочь, Саюри. Это было лишь началом её путешествия в бескрайний мир литературы. Свой второй рассказ она написала уже ближе к десяти годам – текст всё ещё был скачущим и инфантильным, как и подобает ребёнку, однако её язык становился с каждым годом всё богаче, а предложения – сложнее и насыщеннее. Отец называл Мегару своим юным писательским дарованием. Но дарованием она была, как оказалось, не только писательским – среди мшаирианских детей были те, что добивались искусного владения луком, и Мегара стала одним из них.

Первую награду она получила в тринадцать лет – небольшую золотую стрелу. С виду неприметная стрела была символом того, что достоинство человека признал Аполлон. Обладатели золотой стрелы имели право путешествовать по стране, делясь с жителями мудростью и просвещением – таких людей почётно называли менторами.

Рассказ, подаривший ей золотую стрелу, как считала Мегара, был ничем не примечательный: о девочке с волшебной лирой, способной чувствовать ложь. Каждый раз, когда кто-то лгал, лира, на которой играла девочка, начинала фальшивить. Сначала жители вымышленного города пытались убедить девочку настроить лиру, чтобы та “звучала красивее”, однако с каждым фальшивым звуком, раздражающим слух и выдающим чужой обман, они начинали сильнее ненавидеть её. Узнав, что жители хотят сломать лиру, девочка сбежала в горный храм и стала играть лишь для богов, и больше никогда – для смертных, считая их бесчестными и не заслуживающими слышать прекрасную мелодию.

И, пусть Мегара всё же не считала себя достойной награды, с того дня маленькая стрела стала неотъемлемой частью её образа. Каждое утро она, заплетая хвост, продевала сквозь него стрелу, как шпильку, хотя родители пытались убедить дочь хранить её бережно, как трофей, а не носить с собой везде и всюду.

— А если потеряешь? Пусть лежит на полке, рядом с книгами. Так безопаснее.

— В чём смысл признания, если его нельзя показать? Я хочу с гордостью носить её с собой, а не позволять ей пылиться на полке. И для Аполлона должно быть оскорбительно, если я буду считать, что какой-то предмет сильнее его благословения. Божественная сила не заключена в предмет. Даже если стрела не при мне, я всё равно дитя Аполлона.

После этого родители перестали убеждать её беречь украшение.

Мегара любила свою беззаботную, простую жизнь. Казалось, жителям райского места были чужды все те вещи, о которых писали в трагедиях.

В пятнадцать лет Мегара начала терять рассудок. Оставшись наедине с парнем из литературного юношеского сообщества, Мегара осознала происходящее, только когда его рука проникла под её хитон. Они должны были всего лишь отпраздновать её вступление, а вино, которое они пили, было прилично разбавленным водой. Но даже так Мегара чувствовала себя обмякшей и слишком слабой, чтобы сопротивляться.

А её отказы были слишком вялыми, чтобы их восприняли всерьёз.

Но жители сияющего полиса неспособны на жестокость и насилие, ведь так?

— Дорогая, не называй это насилием, это такое грубое, некрасивое слово. Это была трагическая страсть, тёмная сторона Эроса. Напиши об этом поэму, – наставник не стал даже дослушивать её слова.

— Мегара, боль отравляет твою ауру. Ты должна простить его. Не ради него, а ради себя. Обида разрушает гармонию твоего внутреннего мира, – ответила ей мама, слишком отвлечённая чтением новых стихов.

— Мегара, твоя красота – это дар, и ты должна понимать, как она действует на людей. Он был очарован и не ведал, что творит. Не держи зла. Зло погубит твою душу, – говорили ей друзья в один голос.

Прекрати, всё было не так.

Тебе показалось.

Ты бы ушла, если бы тебе не понравилось.

В какой-то момент Мегара перестала понимать, что именно чувствует. Ей уже начало казаться, что её мысли – не её собственные, а заботливо вложенное ласковое безразличие окружающих.

Парень, разделивший с ней постель, продолжал говорить о каких-то возвышенных чувствах. О том, какой чудесной была та ночь, когда они оба потеряли невинность. Продолжал делать ей комплименты каждый раз, когда они виделись на улице, и смотрел ей прямо в глаза без тени стыда, когда они разговаривали. Будто всё так и должно быть. Будто не произошло ничего неправильного.

Непонимание собственных ощущений плавило Мегару изнутри. Если все говорят, что ей всё понравилось, почему она продолжает считать, что это не так? Неужели она действительно сходит с ума? Или мир вокруг всё это время был сумасшедшим, а она только сейчас осознала происходящий абсурд?

Перо перестало уместно ощущаться в руке. Мегара не верила и не доверяла своим мыслям, а потому потеряла способность писать.

Она всё ещё читала – сначала в полном одиночестве, а потом и соседским детям, которые собирались вокруг неё у крыльца, пока она сидела на ступеньках, играя голосом так живо, словно пропуская чувства героев произведения через себя.

Окончательно беззаботный мир рухнул через девять месяцев.

В шестнадцать лет Мегара стала матерью. Мальчик был её маленьким отражением, ни капельки не похожим на отца.

— Ох, какое чудо, – говорили люди.

— Ох, какое чудо, – соглашалась Мегара.

Они имели в виду не одно и то же.

Прошло пять лет, прежде чем Мегара начала покидать дом дальше собственного крыльца. Она давно ушла из литературного сообщества, не ходила на свидания, и единственной её отдушиной в этом городе оставались дети, с упоением слушающие её слова о грамоте и прозе. Она перестала обращать внимание на безразличие окружающих на её боль, замолчала, стала “звучать красивее”, как лира, о которой она писала в тринадцать.

Пока удушающие руки Тан Ихеаргана не обхватили тонкую изнеженную шею сияющего полиса.

Тан Ихеарган – каструм, живущий кровопролитием и чествующий богов войны. Окружённый горами, находясь на возвышенности, и имея единственный выход из города, Мшаири оказался в ловушке, которую раньше считал своим преимуществом. Подъём сюда был поистине сложным и выматывающим как и спуск. Бежать было некуда.

Жители каструма для остального мира носили почётное звание “дикари”. Жестокие и беспощадные, в традиции у которых – убивать слабых и бесполезных соотечественников ещё до того, как им исполнится пять. Некоторых и вовсе при рождении, если обнаружат, что младенец странно дышит или слишком бледен.

Они живут лишь ради завоеваний, как завещал их покойный царь Иринарх. Он был жадным тираном, не знавшим ни сострадания, ни жалости, заинтересованный лишь в том, чтобы усеять кровью весь остальной мир, поработив всё живое. Он постоянно отправлял военные кампании в различные полисы, вымостив просторные поля вокруг багряными цветами смерти, растущими особо пышно в местах самых ужасных сражений.

Принц Деймос, как ходят слухи, не менее жесток. В бою он так же свиреп и беспощаден, как и его отец. Пусть царь и пал шесть лун назад, но бойни, в которые он втянул собственный народ, не прекращаются и идут по сей день.

Однако, будь то воля Аполлона или нечто иное, следующее утро для мшаирианских людей наступило таким же светлым, как и всегда. А в письме, пришедшем из Тан Ихеаргана, было не предупреждение о скорой расправе. Принц пообещал не сжигать полис, не равнять красочные стены с землёй, если ему преподнесут в качестве дани двенадцать лучших рукописей. Приказ был настолько странным и неожиданным, что Совет Семерых сначала даже не поверил в правдивость этих слов, пока лично не увидел письмо и печать в правом нижнем углу, похожую на отпечаток крови.

Жители Мшаири отнеслись к перемирию равнодушно: главное, что грязные и вонючие дикари решили не соваться на их землю. Однако Мегара, услышав об этом, почувствовала, как что-то внутри неё впервые за шесть лет вспыхнуло. Сначала это была лишь крошечная искра, которая почти мгновенно потухла, но затем вновь разгорелась с огромной силой. Подскочив с крыльца, женщина вбежала домой, судорожно перебирая ногами. Почти обрушившись на свой стол, протестующе скрипнувший в ответ, Мегара схватила перо. И начала писать.

Слова сыпались сами собой.

“Прошу, Ваше Высочество, позволить мне приехать к Вам, чтобы преподавать детям каструма литературное искусство и основы грамматики. Я хочу стать вашим ментором, если Вы позволите.

Мегара, избранная Аполлоном”.

Мегара увидела в этом хрупком перемирии возможность изменить свою жизнь, а потому вцепилась в это призрачное, ускользающее чувство, что, пусть ничего и не обещало, давало надежду. Может быть, ихеарганцы и были неотёсанными, грубыми животными, как о них гово-

рили, но, по крайней мере, они называли меч – мечом, а кровь – кровью. А Мегаре пресытились сладость и нежелание жителей сияющего полиса называть вещи своими именами.

Она поспешила к отъезжающему ихеарганскому послу, сжимая в руке небольшой свиток. Ей повезло, что он остановился, чтобы поправить сумку с дюжиной рукописей, когда она с умоляющим видом протянула ему свиток. Если бы не эта заминка – он бы точно уехал.

— Прошу вас, передайте письмо Принцу Тан Ихеаргана, – старалась она говорить спокойным голосом, благодаря, что за длинным хитоном не видно, как у неё дрожат ноги.

Посол окинул её безразличным взглядом, даже не потрудившись оторвать руку от поводьев. Его жёсткий взор, видный через прорези в шлеме, впился в округлое, мягкое лицо.

— Ты, неженка, совсем страх потеряла. У Его Высочества нет времени на твою чушь.

— Будет он читать или нет – его право. А я прошу вас доставить письмо. Или солдат великого каструма испугался жалкой бумажки? – женщина выдержала его взгляд, даже не подумав отвести глаза в сторону, как сделала бы, возможно, любая другая мшаирианская женщина при встрече с каструмским отродьем.

Опешивший от такой наглости мужчина зарычал. Мегара была уверена, что он отсёк бы ей голову прямо сейчас, будь у него такая возможность, тем мечом, чья рукоять выглядывала из-за плеча. Но приказа пускать кровь хоть одному жителю полиса не было. Лишь доставить рукописи и передать их принцу. Мужчина выхватил свиток из её рук грубым и резким движением, его угрожающий шёпот был подобен шипению змеи перед атакой.

— Следи за языком, женщина, пока не отсекли, – даже в пустой угрозе, вылетевшей из его рта, чувствовался вес, но Мегара старалась не подавать страха. Если не для себя постараться должна, вцепившись зубами в возможность уехать, как бездомная изголодавшаяся собака в кусок мяса, то ради сына.

Небрежно затолкав свиток за пояс, посол ударил шпорами по бокам коня, заставив животное с громким ржанием встать на дыбы и помчаться прочь из светлого города.

— Как же отвратительно он разговаривает. Бескультурщина, – бормотала какая-то женщина сзади.

— А что ты хотела от дикарей? – отвечала ей другая.

Мегара смотрела ему вслед, пока его спина не скрылась из виду, и лишь тогда она позволила себе выдохнуть, опустить плечи и прижать ладони к рукам в попытке успокоить безумно часто бьющееся сердце. Как бы то ни было, она даже не надеялась получить ответ. Принц по словам немногочисленных жителей полиса, встречавшихся с ним, не славился общительностью. Скорее он был похож на загадочный грозный силуэт, мелькающий на поле брани среди неустанно бьющейся толпы. Мегара просто хотела быть уверенной, что сделала всё, что могла. Это было как подготовка к последнему, решающему выстрелу, но вхолостую. Последний рывок утопающего перед тем, как утонуть, погрузившись в пучины бескрайнего океана.

Однако, к её удивлению, через две недели из Тан Ихеаргана пришёл ответ. Письмо было коротким, пахло пылью и пеплом. Написано на переработанной из сотен других бумаге, жёсткой на ощупь.

“Приезжайте через неделю. Я прикажу подготовиться к вашему приезду.

Принц Деймос.”

Родители были, мягко говоря, не в восторге, когда их старшая дочь сообщила о своих планах уехать в каструм.

— Мегара, ты уверена, что хочешь стать ***их*** ментором? Эти люди как грязные, дикие обезьяны. Они замучают тебя и съедят, – запричитала мама. – От тебя ни косточки не останется.

— Они совершенно необразованные, – поддержал отец. – Тебе нечего там делать. Если ты хочешь отправиться в путешествие, мы можем найти более подходящее для этого место.

— Абарис посвятил жизнь тому, что нёс по миру мудрость, – Мегара достала из своих волос золотую стрелу, сжав её в ладони. – Какой в этом смысл, если идти в место, где люди уже обладают мудростью? Я должна дарить её людям, которые в ней нуждаются.

Золотая стрела блеснула в тонких пальцах, и впервые родители увидели в ней не божественное благословение, а проклятие.

Глава вторая: В логово зверя

— Говорят, чужбина не прощает оши бок. Но я скажу иначе: чужбине даже не и нтересно твоё имя.

(с) "Одиссея странника".

Карета с двумя бурыми лошадьми несётся по дороге, унося прочь от Сияющего полиса сидящую внутри женщину с ребёнком. Мимо проносятся дома одной из деревушек, завоёванных армией. Несколько илотов оглядываются на проезжающую карету, провожая её взглядом, пока та не скрывается за поворотом.

Мегара наблюдает в крошечное окошко, смотрит на небо, что заволакивают тучи, на маленькие деревенские домики, мелькающие то тут, то там.

Они приближаются к возвышающемуся вдали каструму, к его главному входу, что зовётся Медные Врата. Несмотря на то, что они ещё даже не прибыли в Тан Ихеарган, она уже чувствует тяжёлый и спёртый воздух, наполненный пылью, жаром и кровью, и на языке появляется привкус железа. Дым, поднимающийся над городом, словно посылает ей немую угрозу: *"Тебе здесь не место. Возвращайся обратно, Мшаирианская женщина".*

На металлических стенах, окружающих город, возвышаются массивные паровые пушки, возле которых находятся люди, вооружённые длинными паровыми копьями. Мегара знает – они наблюдают за ней, пристально, как ястребы, и по её спине холодок пробегает. За каструмом виднеется высокая гора – откуда, по легендам, в океан скидывали слабых детей, не годящихся в воины.

Неприветливая крепость открывает ворота, и крошечная по сравнению с массивными, искривлёнными зданиями из металлолома карета въезжает внутрь. Воздух здесь ещё тяжелее из-за густого дыма и смога, Фанес ёрзает на сиденье, тихо кашляя. В его руках деревянная головоломка, которую он разбирал и собирал всю дорогу, будто она совершенно ему не надоедала. Карета останавливается, когда к ней подходит группа гоплитов.

— Кем будешь? – один из солдат рявкает на ямщика. Тот оглядывается на кабинку, из-за двери которой тонкая женская рука протягивает письмо с царской печатью.

— Ментор из Мшаири. Приехала по воле Его Высочества.

Воин беглым взглядом проверяет короткий текст, видит печать принца и отступает назад, позволяя карете ехать дальше. Ямщик ударяет хлыстом по лошадям, и они трогаются с места. Мегара выглядывает в крошечное окошко, бессознательно кладя ладонь на макушку Фанесу, увлечённого головоломкой. Она наблюдает за тем, как они удаляются от стен, как мимо них мелькают высокие дома – сначала редкие, а потом всё более плотно расположенные друг другу. Постепенно они въезжают в негусто населённый район, где живут периэки. Вокруг слышится не стихающий гул работы кузниц, бранные ругательства раненых солдат, витает запах раскалённого железа, крови и горящего угля. Воздух жаркий и спёртый. Улицы пересекаются строго под прямым углом, металлические дорические колонны стоят массивные, мощные, без декоративных завитков на вершинах, присущих Мшаири.

Когда карета останавливается возле небольшого здания, бывшего складского помещения, где хранили боеприпасы, Мегара берёт Фанеса за руку, второй рукой беря сумку с немногочисленными вещами, после чего спускается на дорогу из неотёсанного серого булыжника. Дорога широкая – на ней запросто уместились бы две, а то и три колесницы. В своём коричневом струящемся хитоне, по сравнению с одетыми в строгую, прямую одежду без оборок или лёгкие доспехи ихеарганцами, она выглядит, как голубка среди ястребов. Но её это нисколько не смущает – грациозная осанка по-прежнему держится непринуждённо и легко. Женщина с театрально уверенным видом заходит в здание. Всего две комнаты – просторная, отведённая

под класс, и узкая каморка за соседней дверью с одноместной койкой – единственным предметом мебели в этом пустом пространстве. Ванной нет – в каструме, как она успела узнать от ямщика, пользуются общественными банями. За дверью напротив построенный на скорую руку туалет, немного накренившийся в одну сторону.

— Здесь мрачно, – вскользь бросает Фанес, кладя на койку головоломку, заползая следом и снова принимаясь её собирать. – И пахнет странно.

Он прав. По сравнению с их сверкающей родиной, где даже незнакомцы друг другу улыбаются, здесь чудовищно мрачно. И всё ещё пахнет чем-то похожим на порох.

— Значит нужно поработать над тем, чтобы сделать это место самым светлым во всей крепости. Ты не согласен? – женщина опирается на левый дверной косяк с воодушевлённой усмешкой.

Мальчик кивает, расслабленно улыбаясь, совершенно не озабоченный происходящим вокруг.

Внезапно спиной Мегара начинает ярко ощущать чьё-то присутствие, как будто сам воздух изменяется под натиском неизвестной ей ауры. Табун мурашек проходит по всему телу широкой волной. По металлическому полу сзади медленно отстукивают шаги тяжёлых бронированных сапогов. По позвоночнику холодок пробегает, а мозг кричит: «Опасность! Убегай!» Женщина осторожно оглядывается назад, и во тьме коридора сталкивается взглядом с янтарными глазами – единственную часть, освещённую из крохотного окна на противоположной стене каморки. Несколько долгих секунд они оба молчат, мужчина находится на почтительном расстоянии, не пытаясь подойти ближе. Мегара решает нарушить тишину и кивает головой вниз, демонстрируя уважение и тихим голосом уточняя.

— Ваше Высочество?

Пришедший кивает и опускает скрещенные на груди руки, выпрямляя по швам, делая один шаг вперёд – теперь его лицо полностью освещается. Мегара сглатывает вязкую слюну. Её тело сковывает ужас, несмотря на то, что принц не проявляет никаких признаков агрессии. Мужчина рядом. Нужно бежать. Некуда. Единственный проход закрыт. Я в ловушке. Она отходит назад на пару шагов, входя в выделенную ей комнату. Принц Деймос не пытается войти внутрь, лишь встаёт у дверного проёма, как отлитая медью статуя.

— Я хотел поприветствовать мшаирианского посла лично, – его голос разносится по комнате низким гулом, напоминающим рык льва.

Теперь, когда его лицо полностью видно, Мегара позволяет себе бегло осмотреть его, прежде чем отвести взгляд в сторону, чувствуя себя немного неуютно: густая клубнично-блондинистая копна волос, буйная и немного лохматая, напоминает львиную гриву; на его достаточно широкой переносице заметна царская плавная горбинка. Принц Деймос очень красив, но взгляд его янтарных глаз холодный, словно два грубых куска льда, политых золотистым мёдом. Деймос смотрит на всех с безразличием, но самые внимательные и проницательные, если бы осмелились смотреть ему в лицо, заметили бы глубокую скорбь, мелькающую на мгновение.

— Вы желаете воспитывать будущее моего каструма, но мой народ не принимает чужаков, – он протягивает ей массивный золотой перстень, покрытый царапинами и местами потёртый; та осторожно и почти настороженно берёт его. – Можете показать это кольцо любому гоплиту. Так они будут знать, что вы исполняете мою волю.

Кто-то назовёт этот жест щедрым или даже сердобольным. Сам же Деймос предпочитает считать его ходом наперёд. В этом месте люди живут войной и насилием, а потому не слишком доверяют чужакам. Никто не станет её слушать – скорее станут насмехаться и пренебрегать, а Его Высочество предпочитает ускорить перемены всеми возможными способами – для этого ему нужно, чтобы его стратегический актив был в относительной безопасности и имел влияние ещё в самом начале.

Окинув её взглядом последний раз, Принц Деймос разворачивается и уходит, его тяжёлые шаги эхом долетают до ушей Мегара, пока она смотрит на царское украшение. В её руках перстень кажется ужасно тяжёлым, как будто несёт вес воли всего каструма. Прикусив нижнюю губу, женщина проходит глубже в комнату, достаёт из сумки кремово-бежевый хитон и развязывает шёлковую ленточку на поясе, вытаскивая её, чтобы привязать к ней украшение. Перстень слишком широкий – не получится носить его на пальцах, так что Мегара надевает его на шею и прячет под ткань одежды.

До её ушей доносится протяжный и трагичный звук горна – настолько громкий, что слышно даже в полностью закрытом помещении. Мегара подходит к окну и выглядывает, Фанес, юркнув под её руку, встаёт на носочки и смотрит за взглядом матери – на улице люди начинают идти вправо, к самому центру каструма.

— Мам, что-то случилось? Какое-то собрание? – любопытствует мальчонка, поднимая голову, чтобы посмотреть на мать.

— Не знаю. Пойдём, посмотрим.

Они выходят со склада, ступая по каменной дороге, вокруг них возвышались казармы, переход между которыми разместился мостом на двух тяжёлых металлических колоннах. Мегара подходит к идущим людям и слегка наклоняет голову, чтобы выказать уважение.

— Прошу прощения, мы не местные. Куда все идут?

— На Стоа осуждения, – сплёвывает воинственная женщина, её басовитый голос режет слух. – Решила вылезти из золотой клетки и посмотреть на настоящую жизнь, голубка?

— Меня зовут Мегара, спасибо большое, – выговаривает сквозь зубы, сдерживая желание многозначительно закатить глаза или цокнуть языком. – И что происходит на… Стоа?

— Принц Тан Ихеаргана будет судить отребье и отправит его на жатву.

— Жатву?

Женщина достаточно красноречиво для варварского народа вздыхает с фырканьем, явно уже подуставшая от вопросов приезжей.

— Разуй глаза и иди, – рычит она, толкая Мегара в плечо и удаляясь широкими шагами.

Мегара хмурится, беря за руку Фанеса и направляясь за потоком людей. Она не достаёт перстень, чтобы ткнуть его в лицо наглой хабалке. Если она не может справиться с маленькими проблемами – она зря приехала. К тому же, она уже привыкла к предвзятому отношению и оскорблениям на родине. Не повод для гордости, но хоть какой-то толк есть от косых взглядов и ядовитого перешёптывания за спиной – со временем перестаёшь их замечать. Делать нечего. Раз уж половину пути она уже прошла – пойдёт дальше, посмотрит, что там и как. Фанес жмётся к её руке и оглядывается по сторонам, с некоторым воодушевлением в глазах рассматривая ихеарганцев – все, как на подбор, высокие, мускулистые и грозные. И мужчины, и женщины. Мегара подумывает, не скидывают ли они слабых и больных со скалы или что-то вроде того.

На площади перед главной котельной на невысокой сцене из обожжённого камня на коленях стоят три человека. Их головы склонены вниз, но не пристыженно, скорее со злобой. Принц Деймос смотрит на них сверху вниз, скрестив руки на массивной груди, тёмно-коричневая туника развевается у него за спиной.

— Вы знаете, почему вы здесь. Правила Тан Ихеаргана написаны кровью и должны оставаться нерушимы.

Он подходит к крайнему левому мужчине и показывает на него длинным указательным пальцем, облачённым в медную перчатку.

— Ты, – раздаётся его бас громким голосом. – Напился во время важной миссии и подверг своих товарищей опасности. Два наших солдата погибло из-за твоей безответственности. Просто казнить тебя будет милостью, которую ты не заслуживаешь. Твою участь решит

жатва. Если сумеешь победить всех своих противников – получишь шанс очистить своё имя от позора.

Деймос делает два шага вперёд, останавливаясь перед мужчиной посередине.

— Ты, – обращается он ко второму. – Убил другого человека во время потасовки. Убийства вне подземного театра запрещены. Убийство товарища приравнивается к помощи нашим врагам. Тебя тоже ждёт жатва. Если сумеешь победить всех своих противников – получишь шанс восстановить свою честь.

Принц делает ещё пару шагов вперёд, смотрит на третьего мужчину, и его взгляд, казалось, становится более суровым, как будто преступник перед ним лично его оскорбил.

— Ты сбежал с линии фронта, бросив своих товарищей, – угрожающим голосом цедит Деймос сквозь зубы. – Ты предал глубинные принципы нашего народа. Трусливый солдат – мёртвый солдат. Твоё имя невозможно очистить. Ты запятнал его посмертно.

Мегара едва успевает прижать Фанеса лицом к своему платью, закрывая его уши, прежде чем принц выхватывает меч из ножен и под восторженные крики наблюдающих сносит голову дезертира с плеч. Голова с глухим звуком падает на твёрдую поверхность сцены, прокатываясь по ней и оставляя за собой кровавый след. Небрежным движением смахнув кровь с лезвия, Деймос вкладывает меч обратно в ножны.

Её карие глаза сужаются от страха и непонимания, внутри всё холодеет от ужаса. Перстень на шее внезапно становится непосильно тяжёлым, словно огромная гиря. Неужели дезертирство из страха и желания жить было грехом страшнее, чем убийство? Она чувствует под ладонями и бедром дрожь маленького тела её сына, пока она трясёт его за плечи, бормоча.

— Пойдём отсюда. Быстрее.

Она сжимает его тонкое плечо и повела прочь от сцены, стараясь подавить рвотный рефлекс. Перед глазами всё ещё мелькает образ отрубленной головы молодого парня с опустевшими и безжизненными глазами. То, что они не моргали, кажется неправильным. Мегара пытается успокоить себя, убедить себя, что она знала, куда ехала. Она должна была подготовиться к этому. Но к такому, как ей казалось, нельзя быть готовым.

Деймос жестом показывает двум недалеко стоящим солдатам на труп и кивает в сторону. Плечистые мужчина и женщина кивают, поднимаются на сцену и берут под руки начавшее остывать тело, мужчина подхватывает свободной рукой его голову за испачканные алым чёрные волосы.

Будучи в шоке, Мегара спотыкается и случайно врезается в кого-то, чьё лицо она не успевает рассмотреть. Грубая и широкая ладонь подхватывает её под локоть, не позволяя упасть. Голос незнакомца звучит словно из-под толща воды. Мегара осознаёт, что ей говорят, только когда чужая рука встряхивает её, выбивая из глухой пустоты в голове.

— Вы в порядке? – доносится до ушей Мегары наконец, и она поворачивается лицом к высокому крепко-сложенному – сплошные мышцы, как и принц – солдату с длинными и волнистыми каштановыми волосами, собранными в хвост, торчащая во все стороны чёлка спадала на его лицо, отбрасывая тень на чёрные глаза.

— Да… – она свой голос не узнаёт, настолько скрипучим и сухим он выходит. – У вас тут очень… мило.

Мужчина издаёт глухой звук, словно сдерживая смешок, в его уголках глаз появляются морщинки. Он помог Мегаре выпрямиться и убрал руку, выпрямив её по шву металлического нагрудника.

— Правила нужно соблюдать.

Мысли гудят от попыток собраться в кучу.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Дрожь в руках постепенно успокаивается.

— Разве это не чересчур? – её глаза избегают зрительного контакта, а плечо горит в том месте, где её держала рука мужчины. – Неужели желание жить – преступление?

“Молодец, конечно, но в чужой монастырь со своим уставом не ходят,” – насмешка над собой сама приходит на ум, непрошенная и нежеланная. Хочется в душ, чтобы смыть с себя стыд и остаток прикосновения.

— Вы не местная, поэтому вы не понимаете, – это не вопрос, по одежде её легко отличить от женщин каструма.

Тон дружелюбный и мягкий, но пристальный взгляд даёт понять, что здесь нет места для каких-либо споров или возражений с её стороны. Это неоспоримая истина.

— Идиоты лучше предателей. Идиота можно перевоспитать, а предатель предаст ещё раз.

В этих словах, как бы ни хотелось Мегаре этого не признавать, есть смысл. Но смысл ни коим образом не лишает жестокости. Судорожно кивнув, она спешит уйти, но её останавливает голос мужчины.

— Вы леди Мегара?

Мегара чувствует, как её кровь застывает от этого вопроса, а дрожь в пальцах возвращается с новой силой. Откуда он знает её имя? Они встречались раньше? Нет, исключено. Он следил за ней? Что ему нужно? Зачем он спрашивает? Во рту пересыхает, и Мегара приоткрывает рот, чтобы ответить, но голос отказывается звучать, а язык – двигаться. Фанес, глядя в лицо окоченевшей от ужаса матери, мягко трясёт её за руку, вынуждая вспомнить о необходимости моргать. Увидев, что женщина молчит, стоя, как вкопанная, незнакомец продолжает. Видимо, её эмоции слишком хорошо видны на её лице. Немудрено — врать она никогда не умела, как и скрывать свои эмоции.

— Я не представился. Моё имя – Терапон, правая рука Его Высочества. Он упоминал вас.

Скованность немного спадает, она нервно облизывает губы и кивает, оборачиваясь через плечо, но всё ещё смотря не в лицо, а куда-то в район его нагрудника. Мегара насчитывает четыре заклёпки на его плечах.

— Могу чем-то помочь? – бормочет под нос, отводя взгляд.

— Хотел поздороваться. Ваше письмо нас порядком удивило, – Терапон слегка наклоняется, выражая своё уважение. – Не думал, что кто-то захочет этим заниматься.

— Не думала, что вы согласитесь, – Мегара чувствует иронию от этого ответа и, кажется, не она одна.

— Его Высочество заинтересован куда больше, чем может показать. Но я этого не говорил, – Терапон подмигивает, прежде чем кивнуть в знак прощания. – Крепкой руки, леди Мегара. И тебе, маленький воин.

— Спасибо! – Фанес дарит ему щербатую улыбку.

— Он не воин, – машинально отвечает женщина, но Терапон, кажется, уже не слышит её, уходя к принцу.

Проводив ушедшего мужчину взглядом, она и сама направляется домой, утягивая за собой мальчика. Ребёнок не сопротивляется, но то и дело оглядывается назад, с любопытством рассматривая принца Деймоса, возле которого стоял Терапон и о чём-то говорил ему.

Еду в каморке готовить негде, так что Мегара берёт мешочек с парой тысяч драхм и вместе с Фанесом отправляется на поиски какого-нибудь ларька с провизией, какие были на её родине. Однако улицы на удивление пусты, хотя ещё пару часов назад здесь было людно. Да и купить еду оказалось негде. По крайней мере, так кажется женщине, пока она не видит в конце соседней от её дома улицы столпотворение. Даже здесь она слышит шум, хотя их разделяет как минимум пара кварталов. С каждым шагом, приближаясь к людям, Мегара и Фанес начинают чувствовать запах еды, понимая, что толпятся они вокруг общей столовой. Ихеарганцы громко ругаются, толкают друг друга, кто-то просто отвлечённо разговаривает, пытаясь перекрикивать стоящих рядом незнакомцев, однако очередь остаётся ровной и чёткой, несмотря на царящий вокруг хаос. Встав в конце очереди, Мегара оглядывается по сторонам, стараясь не слишком глубоко дышать, чтобы не чувствовать запах еды вперемешку с чересчур ярким запахом мыла.

Слова родителей про необразованных и грязных обезьян тут же всплыли в её голове. Насколько же неправильными они оказались на самом деле. Судя по запаху, один воин каструма мылся тщательнее, чем весь Мшаири вместе взятый.

Очередь двигается довольно бодро.

— Голубка, твоя одежда непрактичная.

— Не думала переодеться? О такую юбку легко споткнуться.

Мегара не отвечает на их слова, вместо этого пытаясь рассмотреть еду на столах. Какая-то тяжёлая, густая и мутная похлёбка, возможно из дроблёного ячменя. С кусками мяса и жира. Рядом с мисками, либо в руках у воинов, свежеиспечённая лепёшка. Еда, по скромному мнению Мегары, выглядит, мягко говоря, отвратительно. Так далеко от красивой внешне, аккуратно уложенной еды, как ей от места, где она стоит, пешком до солнца. Женщина сглатывает, уже чувствуя на языке привкус этой еды – настолько сильный запах здесь стоит.

— Что такое? Принцессе не нравится еда простых смертных?

— Просто не привыкла видеть нечто подобное. Это?...

— Полба на костном бульоне со свининой. Сытно и готовится быстро.

— Я удивлена, что у вас еду готовят мужчины. На моей родине готовят женщины.

— Наш народ готовить учится раньше, чем берёт в руки оружие. Воин, не умеющий обращаться с ножом, бесполезен для армии.

Мегара чувствует, как её брови взлетают куда-то в зону роста волос, прежде чем она опускает их, надеясь, что никто не замечает степень её удивления. Здесь всем было наплевать, мужчина или женщина – здесь мыслили иными рамками. Насколько ты полезен для армии, насколько умело обращаешься со своим ремеслом. Пощады и снисхождения не будет. Взяв две пустых миски со стола, Мегара ждёт своей очереди на раздачу. Фанес ютится рядом с ней, держась за её юбку и рассматривая стоящих рядом людей. Его любопытный взгляд, кажется, привлекает чьё-то внимание, потому что Мегара слышит справа:

— Чего тебе, сопляк?

Фанес, достаточно взрослый, чтобы понять, что сопляк – это он, улыбается и показывает пальцем на кулон в виде змеи.

— Это Ареса, да?

Мужчина выгибает бровь и касается украшения, словно забыл о том, что вообще носил его.

— Мелочь из Мшаири знает кого-то, кроме Аполлона?

— Угу! – Фанес бодро кивает и улыбается чуть шире. – Мама мне с детства читает про разных богов. Арес очень сильный. Я тоже хочу стать сильным, когда вырасту.

Мужчина бормочет что-то неразборчивое под нос и фыркает. Он отворачивается, чтобы не смотреть на это прозорливое и смышлёное лицо.

— Как тебя зовут?

— Фанес.

— Крепкой руки, Фанес, – бросает мужчина, уходя с полной миской к столу.

— И вам тоже! – Фанес машет рукой, приподнявшись на одной ноге, улыбаясь во все маленькие зубки.

Мегара удивлённо смотрит сначала на сына, потом оглядывается на спину уходящего воина, подходя к раздатчику.

— Понятия не имею, где ты этому научился.

— Чему?

— Очаровывать людей, – Мегара протягивает миски раздатчику, и тот двумя большими ложками шлёпает туда густую похлёбку. – Не знаю, откуда это у тебя. Мне кажется, я их только отталкиваю.

— Но ты же их не толкаешь.

— Что я тебе говорила про метафору, Фанес?

— Ой, извини, мам.

Они проходят к широкому деревянному столу и занимают своё место там, где недавно сидели два широкоплечих воина. Поставив миски на стол, Мегара хочет по привычке взять сына за руку, чтобы вместе помолиться Аполлону, но останавливается на полпути. Вместо этого она берёт ложку и начинает есть. Еда на вкус не так плоха, как Мегара думала, но непривычно жирная и плотная. Проглотить удаётся с огромным трудом, если быть честной. Фанес, вскинув брови, тыкает ложкой в похлёбку, словно пытаясь собрать эту массу в кучу.

Никто за столами не разговаривает, разве что временами можно услышать громкое “подвинься” или “убери локоть”, правда, сказанное более грубо. Мозг Мегары просто отказывался воспринимать эти слова. Но прижала локти к телу она так сильно, будто сказано было именно ей. Сама Мегара поела довольно быстро, однако Фанес, избалованный бабушкой и дедушкой медленными трапезами и постоянными разговорами, осилил едва лишь половину.

— Давай я тебе помогу, – Мегуми тянется, чтобы забрать у сына ложку и помочь ему быстрее есть.

— Не позорь парня. Пусть сам ест, – мужчина, сидящий напротив, указывает на неё ложкой, его щёки слегка выпирают из-за жевания. – Иначе немощным вырастет.

— Но он ест медленно.

— Он не научится есть быстрее, если ты будешь лезть.

— Но…

— Ребёнок не научится, если родитель всё делает за него.

Верно. Как она могла быть столь глупой? Её сын не сможет привыкнуть к новому ритму жизни, если она постоянно будет мешать ему. Иногда единственное, что может сделать родитель – это просто сидеть и смотреть, как ребёнок делает сам, пусть если медленно, пусть если с ошибками, но сам. Мегара убирает руки от сына и кивает.

— Вы правы. Спасибо.

Фанес под ворчание окружающих о том, что он медленная черепаха, которая всех задерживает, доедает похлёбку, то и дело морщась. Но его маленькая рука со временем двигается всё чаще и чаще.

***

Мегара заходит в класс, окидывая его меланхоличным взглядом. Пустое помещение давит на плечи тишиной и осознанием. Осознанием, что всё это по-настоящему. Она действительно стала ментором. Она действительно с разбегу прыгнула в пасть Харибды. Теперь ей нужно искать новых слушателей, знакомиться с ними, выстраивать интерес к творчеству у людей, что не знают даже разницы между лирикой и прозой.

— Что ж, – шепчет Мегара себе под нос, беря мел и начиная писать на доске. – Это будет интересно. Надеюсь, Аполлон будет мной гордиться.

Сзади слышится шуршание. Мегара не поворачивается, но на её губах появляется мягкая улыбка, а голос становится теплее.

— Что? Не хочешь сидеть один?

— Слишком тихо, – Фанес садится за заднюю парту и ложится на неё головой. – Дома веселее.

— Я знаю, малыш… Но теперь наш дом здесь. Так что давай нарисуем что-нибудь вместе и украсим стену, хорошо?

— А чудовищ рисовать можно? – оживляется мальчик, садясь прямо.

— Только если они будут улыбаться, – Мегара берёт кипу бумаг со стола и несколько карандашей. – Давай, помоги мне украсить здесь всё.

***

Первая ночь в новом месте для Мегары становится целым испытанием. Кровать слишком жёсткая и отличается от тех пуховых перин, на которых она привыкла спать, но это всё ещё лучше сна сидя за время поездки в карете.

Фанес ворочается у неё под боком, дует губы и тихо скулит.

— Мама, уснуть не могу… Жёстко…

— Иди сюда, – шепчет Мегара, устроив его у себя на груди. – Давай я спою тебе твою любимую песню. И буду петь её, пока ты не уснёшь.

Поцеловав сына в макушку, она начинает тихо мурчать под нос. Её мелодичный голос заполняет комнату.

Спи, малыш, под светлый лад,
Аполлон играет в небе.
Звёзды тихо ему вторят,
Серебром в тиши звенят.
Атлант плечи расправляет,
Мир на них легко качает.
Так и ты усни спокойно,
С волью в сердце непокорной.
Спи, мой милый, спи, любимый,
В нашем доме нету тьмы.
Только музыка и счастье,
Только вечные сады.

***

Раннее утро в Тан Ихеаргане начинается не с солнца – его здесь почти не видно за облаками – а с тяжёлого, протяжного звона колоколов. Низкий гул разносится над металлическими крышами, проникает сквозь стены складов и казарм, забирается под кожу и вытряхивает из сна даже самых уставших. Это не мелодичный перезвон мшаирианских храмов, возвещающий начало очередного праздника. Это команда – подъём.

Мегара вздрагивает от первого же удара. Койка под ней жёсткая, непривычная, одеяло колючее, пахнет стальной пылью и чем-то едким – ни то спиртом, ни то ещё какой-то промышленной дрянью. Фанес спит рядом, свернувшись калачиком, совершенно не потревоженный. Кажется, его не сможет разбудить даже молния Зевса. Он не просыпается, когда она поднимается, посильнее натягивая на него одеяло и целуя в макушку. Она не будит его, хотя остальные дети наверняка поднялись вместе с родителями. Он не воин. Пусть спит дальше. А ей самой нужно увидеть, как живёт этот город, прежде чем учить его детей.

Она выскальзывает за дверь, кутаясь в гиматий, и почти сразу натыкается на группу женщин. Явно из гоплитов. Это видно по осанке и собранным в строгие причёски волосам. На Мегару они смотрят без враждебности, но с каким-то оценивающим прищуром, как на сломанное копьё, которое непонятно зачем притащили на шествие вместо того, чтобы отнести кузнецу.

— Ты чего такая мятая? – рявкает одна из них, та самая, что вчера на площади на неё рыкнула. — Колокола слышала? В баню.

— Я не воин, – Мегара пытается говорить ровно, но голос всё равно звучит тоньше, чем ей хотелось бы.

— И что? Ты среди нас. Воняет от тебя дорогой, а должно – мылом. Иди.

Её не спрашивают. Её берут под локоть широкой, грубой ладонью и тащат за собой. Сопротивляться бесполезно, да и неловко – она ведь сама хотела наблюдать.

В женской бане пар густой, как суп-пюре по мшаирианскому рецепту.

Мегара жмурится, пытаясь хоть что-то разглядеть, сбрасывает хитон и гиматий, складывает их на лавку, проходит к скамьям. Вокруг неё женщины трут себя мочалками с такой силой, будто сдирают ржавчину с доспеха. Кожа у них красная, распаренная, но лица довольные. Никто не разговаривает о пустяках. Тишина, только шум воды и шорох мочалок.

Мегара садится на свободное место, набирает пригоршню горячей воды, плещет на плечи. Она делает это медленно, аккуратно, как её учили дома: вода, масло, лёгкий скребок, снова вода. Кожа у неё нежная, привыкшая к бережному уходу, и она не собирается обходиться с ней иначе только потому, что оказалась в крепости.

— Ты что творишь? – голос справа.

Та самая женщина, что притащила её сюда, стоит над ней, уперев руки в бока. Капли воды стекают по её мускулистым плечам. Имя ей – Алекто. Мегара слышала, как её окликали у входа.

— Я моюсь, – Мегара отвечает спокойно, даже не оборачиваясь.

— Ты грязь размазываешь, а не моешься, – Алекто присаживается рядом, выхватывает у неё из рук скребок и вместо него протягивает жёсткую мочалку из конского волоса.

— Вот этим. Круговыми движениями. Сильно. Поняла?

Мегара берёт мочалку, смотрит на неё с сомнением, но решает не спорить. Она делает несколько неуверенных движений по предплечью – слишком мягких, слишком осторожных. Алекто издаёт звук, похожий на фырканье раздражённого быка, вырывает мочалку обратно и без предупреждения проводит ею по спине Мегары. Та взвизгивает. Это не мытьё, это пытка в *чистом* виде. Мочалка впивается в кожу, как сотня крошечных игл, и Алекто трёт с такой силой, что Мегаре кажется, будто с неё стирают не грязь, а саму плоть. Она пытается вырваться, но хватка у Алекто будто полностью отражает её имя – непримиримая и неумолимая.

— Больно! – выкрикивает Мегара, и её голос эхом разносится по бане. – Хватит, я сама!

— Сама ты не можешь, – Алекто продолжает тереть методично и безжалостно. – Кожа у тебя белая, а мёртвого слоя – как на старом коне. Не вякай и терпи.

Мегара кусает губу. Глаза слезятся, но она не плачет. Не здесь. Не перед ними. Она терпит, пока Алекто не заканчивает, и когда мочалка наконец откладывается в сторону, кожа на спине и плечах горит, как после ожога, но при этом дышит так, как не дышала никогда в жизни. Мегара трогает своё плечо – оно гладкое, чистое до скрипа, покрытое красными пятнами, которые точно не сойдут ещё долго.

— Вот так надо, – Алекто встаёт, уходит к своему месту.

Мегара смотрит ей вслед и не находит в себе искренней злости. Только сильное возмущение и ошеломление. Она чувствует себя так, будто с неё сняли не только старую кожу, но и что-то ещё.

После бани, в предбаннике, Мегара одевается медленно, через силу. Ткань липнет к распаренному телу, волосы влажные, на спине всё ещё горит. Она закалывает хвост, продевая через него стрелу, и в этот момент замечает, что к ней приближается девушка. Невысокая, почти на голову ниже самой Мегары. Белая кожа, почти странно белая для здешних, хотя на её щеках всё ещё выступает краснота от банного жара. У неё голубые глаза — острые, пронзительные, в душу смотрят. Веснушки покрывают лицо и тело так густо, будто кто-то брызнул на неё золотистой краской. Светлые, ещё влажные волосы, собранные в пучок, чёлка, спадающая

на лоб, завивающиеся пряди, обрамляющие лицо. И грация у неё какая-то… кошачья. Будто леопард, принявший форму человека. Одета она в серую тунику, как и почти все здесь.

— Ты привыкнешь, – сухим голосом подмечает она. – Не вольёшься в ритм – они тебя заставят.

— Звучит очень… обнадёживающе.

— Они простые, как три драхмы, не обременённые эстетикой люди, – девушка замечает золотую стрелу и усмехается уголком губы едва заметно. – Хотя последователю Аполлона без эстетики явно будет тяжело.

— Ты знаешь?...

— Я из деревни недалеко от Мшаири. Меня сюда привезли полгода назад.

— Как понять «привезли»?

Незнакомая девушка понимает, что говорит лишнего, но её слишком манит возможность поговорить с кем-то похожим на неё. Это видно по тому, как она, кажется, внутренне мечется между желанием сохранять безразличие и открыться хоть кому-нибудь. Отведя взгляд в сторону, она тихо бормочет.

— Не здесь.

— Эй, Веснушка, – доносится знакомый грубоватый голос. – Ты вчера за завтраком почти ничего не ела. Тебя ветром унесёт.

— Уморительно, Алекто, – “Веснушка” стреляет в неё взглядом близким к угрозе телесными тяжкими, если бы эта девушка хотя бы на йоту была похожа на бойца, а не на осиновую веточку. – К твоему сведению, парфюмеры не так часто выходят на улицу, чтобы об этом беспокоиться.

— Что значит “парфюмер”? – разумеется, Мегара знала, что это за слово, но, как ей показалось, в Тан Ихеаргане оно носит особое значение.

— Люди, которые помогают местным не задохнуться, – скучающе ответила та, потягиваясь. – Одевайся и пойдём отсюда.

Они находят уединённый уголок в месте, отведённом Мегаре под класс, где могут поговорить без присутствия чужих ушей. Алтея – так зовут девушку – сидит за одним из детских столиков, нервно постукивая пальцами по дереву.

— Я жила в деревушке Хида. Была травником. Мне с детства твердили, что у меня так много веснушек, потому что я «поцелована Дионисом», – Алтея тихо вздыхает, её кадык дёргается, когда она сглатывает, как будто заставляя себя говорить через силу.

Мегара смотрит на неё с неприкрытым сочувствием. Она приехала сюда по своей воле и понятия не имела, как вести себя с теми, кого привезли насильно.

— Меня решили отдать в качестве трофея Принцу Деймосу, потому что я «самая красивая и умная, и вообще благословенная божеством», – она делает кавычки пальцами, и на её лице отражается неприкрытое отвращение. – Ему это явно было даже на малую долю не интересно, потому что он передал меня своей правой руке, как только мы приехали.

— Ты знаешь Терапона?

— Знаю больше, чем хотелось бы. Мы живём вместе. Он устроил меня на работу здесь, потому что решил, что это поможет мне не чувствовать себя предметом мебели.

— Помогает?

Алтея замолкает, сведя брови к переносице. Она думает над ответом несколько секунд, её голос становится тише, когда она продолжает. Будто делится какой-то тайной.

— Это похоже на то, чем я занималась дома. Пусть и со своими… особенностями. Но я не могу перестать думать о том, что меня передают из рук в руки, как никому не нужную вещь.

У Мегары сердце болит за неё. Несмотря на то, что она знает Алтею меньше дня, уже странным образом прикипает к ней. Возможно, здесь виновата её предвзятость, как к землячке. Либо как к человеку, который тоже здесь чужой. Мегара с ровесниками давно не общалась –

весь её круг последние шесть лет состоял из соседских детей, родителей, сестры и сына, но она старалась поддержать, как могла.

— Приходи ко мне, когда будет возможность. Я буду очень счастлива тебя видеть.

Алтея поднимает взгляд от пола и видит на лице Мегара пусть и слабую, но искреннюю улыбку, взгляд размягчается. Она чувствует, будто какой-то узел внутри неё ослабевает. Может быть, самую малость.

— Я подумаю над этим, – Алтея отворачивается, слегка нахмурившись.

Поняв, что её новоиспечённая знакомая не очень хочет продолжать этот разговор, Мегара доброжелательно решает заговорить о чём-то отвлечённом. Тема приходит сама собой – она ведь так и не поняла, что сказал ей Терапон.

— Слушай, а ты не знаешь, что такое «крепкой руки»?

— Ихеарганцы так прощаются и желают удачи. Крепкая рука у них – залог того, что с тобой всё будет в порядке.

Мегаре кажется, что это почти мило. Терапон пожелал им с Фанесом сохранять крепкую хватку, чтобы они точно могли здесь устроиться. Но ей стало стыдно, что она не пожелала того же. Алтея, словно услышав её мысли, добавляет.

— Стоит отвечать то же самое. Если ты этого не делала, вряд ли на тебя обидятся, ты приезжая. Будь ты местной, сочли бы оскорблением.

— Спасибо тебе. Если бы не ты – продолжала бы неосознанно грубить.

— Угу, – кивает она сама себе, замечая краем глаза “Да прибудет с тобой Эол” на столе у Мегары. – Ты тоже знаешь эту книгу?

— Да! Я даже читала её сестре, когда она была маленькой.

— Отец меня учил читать по ней… Я до сих пор помню первое путешествие Клеона. Как у него ничего не получалось и он постоянно оказывался позади своих товарищей... Иногда мне кажется, что я сама им стала.

Они проговорили ещё полчаса. Может быть, больше – Мегара не особо следила за механической птицей, которая должна была отбивать смену часа клювом по мисочке. Говорили о книгах, любимых персонажах и героических приключениях.

Даже после того, как Алтея уходит, сказав, что ей нужно на работу, Мегара не может избавиться от пушистого чувства внутри. От такой лёгкости, будто у неё выросли крылья. Она и забыла, каково это – говорить с человеком, который её слушает, которому интересно с ней говорить. И который действительно принимает её мысли.

***

Мегара отправляется на поиски кузнеца, что у которого могла бы купить новые лук и стрелы, ведь собственные ей пришлось оставить дома. Они были родовой драгоценностью, так что ей показалось правильным оставить их Секлетее, оставшейся в свете Мшаири. Осторожно продвигаясь по улицам, полным гоплитов, периэков и шума жизни, и мельком рассматривая объявления на стенах, Мегара останавливается, когда видит своё имя на одном из них. Потянув Фанеса за собой, она останавливается перед пергаментом и пробегается взглядом по тексту.

“В целях усиления боевого духа каструмского народа, мною, принцем Деймосом, принято решение ввести новую обязательную дисциплину – тактическую словесность. Ответственный – ментор из Мшаири, Мегара, избранная Аполлоном. Уклонение расценивается как невыполнение приказа.

За каждое достижение в тактической словесности мабэ и мабэрис получает красный шнурок. Количество красных шнурков оценивается так же строго, как умение обращаться с оружием.

Принц Деймос”

Мегара не знает, что ей чувствовать. С одной стороны, ей стоит быть благодарной, что Его Высочество поддерживает её идею. С другой стороны, из-за этого ей кажется, что она получит всё по чужой указке, а не потому что действительно заслужила. Клубок эмоций червячится в груди, так и намереваясь вырваться из груди. Нахмурившись, она отворачивается от объявления, стараясь уйти как можно скорее, будто пергамент лично оскорбил её достоинство.

— Принц Деймос хороший. Он помогает маме, – Фанес улыбается, вприпрыжку идя рядом с матерью.

— Да, хороший, – тихо бормочет Мегара, наконец-то добираясь до кузнеца.

Мужчина с красными от жара щеками и отсутствующим безымянным пальцем на правой руке поднимает на неё суровый тёмные глаза. Его взгляд тяжёлый, как будто пытается понять, что такая, как она, тут забыла.

— Чего тебе?

— Сколько будет стоить тот лук и пятнадцать стрел? – Мегара показывает на искусно скованный лук со встроенным паровым двигателем на рукояти, что помогал усилить мощь выстрела, и крошечными стальными змеями на концах ушек.

Несколько людей рядом оглядываются на неё и внезапно начинают хохотать. Разумеется, по их мнению женщина со вплетёнными в волосы цветами и одетая во что-то настолько длинный хитон не умеет обращаться с оружием, потому что рискует запутаться в собственном подоле.

— Зачем тебе лук, голубка? – мужчина с чёрными волосами и шрамом на правой щеке, успокоившись от приступа смеха, подходит к ней. – Оставь его ихеарганским женщинам.

— Я умею стрелять, – Мегара пожимает плечами, не отрывая взгляда от кузнеца, который ушёл проверять целостность выбранного ею оружия.

— Да ну? Докажи, – с ухмылкой фыркает одна из женщин. – Если сумеешь победить меня в стрельбе, я отправлю сына на твои занятия.

Мегара, выгнув бровь, оборачивается на незнакомку с вызовом, её собственные губы слегка изгибаются в усмешке.

— Договорились. Где?

Серые глаза женщины начинают сиять от предвкушения, удивления и чего-то, подозрительного похожего на восторг от надвигающейся интересной битвы.

— Смело. На тренировочном полигоне на закате.

— Я не сомневаюсь в своих умениях. Аполлон обратил на меня своё внимание, потому что я хороша не только в чтении книжек.

Её усмешка немного самодовольная и вызывающая, однако за ней прячутся дни и ночи тяжёлых тренировок, тонкие порезы и грубые мозоли на руках, синяки на предплечьях и желание всё бросить. Но её стремление получить признание Аполлона было сильнее усталости и страха снова ощутить боль. Кузнец окликает её и протягивает лук и пятнадцать стрел в кожаном колчане.

— Триста драхм, – рокочет кузнец низким, грузным голосом, раскрывая мозолистую ладонь, чтобы принять деньги.

Мегара, однако, платить не спешит, примеряет: и так, и сяк лук в руках вертит, смотрит на зубья шестерён, натягивает и слушает тетиву, спускает, смотрит, как оружие у плеча держится, как гнутся плечики. Что-то не так – лук то и дело клонится вперёд.

— Центр тяжести смещён, будет клевать при прицеливании, – бормочет под нос Мегара, нахмурившись. – Триста драхм за такой лук – грабёж. Двести пятьдесят – и то слишком щедро.

Со стороны слышится заинтригованный свист.

— Ну и ну.

— Я же говорила, что Аполлонские избранники не только в искусство горазды, – фыркает Мегара с усмешкой, отсыпая в ладонь кузнеца двести пятьдесят серебряных монет. – Так что я жду каждого, кто сомневается в моих словах, сегодня на закате на тренировочном полигоне. Я покажу, на что я способна. И вы доверите мне детей.

***

Вечереет. Солнце садится в облачное одеяло. Мегара собирает густые каштановые волосы в строгий, тугой хвост, берёт колчан и вешает его себе на плечо. Её взгляд бегло проходит по старому, едва заметному шраму на предплечье от тетивы. Фанес сидит на кровати, болтая ножками. Совершенно невинный и немного нелепый вопрос срывается с его губ – обычное детское любопытство, ничем не приукрашенное.

— Они тебе настолько не нравятся?

— Фане-ес, – Мегара скулит, стараясь не смеяться.

— Что?

— Нельзя говорить такие вещи. Я не собираюсь стрелять в людей, – женщина берёт в руки лук и идёт к выходу, сын спрыгивает с кровати и бежит за ней. – Я собираюсь показать им себя.

— Показать! Показать! – довольно повторяет Фанес, беря маму за руку.

“Помни о дыхании. О музыке ветра. Почувствуй, куда он направляется, как он протекает через твоё тело”, – напоминает себе Мегара. – *“Лук будет клонить вперёд при прицеливании, нужно оттягивать его сильнее обычного. Всё в порядке, ты делала это уже много раз. Это ничем не отличается от Золотого Стрельбища.”*

Придя на тренировочный полигон, она видит куда больше людей, чем ожидала – не меньше двух десятков, хотя рассчитывала она на пятерых. Кажется, их завораживает возможность увидеть её позор. Или воочию увидеть её победу. Все они смотрят на неё, и внутри у Мегары что-то съёживается, но вместо того, чтобы отвернуться или спрятать глаза, она вздёргивает подбородок вверх.

— Добрый вечер, уважаемые. Полагаю, вы все мои противники?

— Двоих будет достаточно. Если ты слабее, пытаться дальше – трата времени.

Кивнув, Мегара занимает своё место, осматривая полигон сосредоточенным взглядом. Расстояние до мишени около восемнадцати метров. Всего лишь разминка – вызовом для любого хорошего стрелка становится мишень на расстоянии тридцати метров и более. Возможно, они хотят испытать её в два этапа.

Первым стреляет высокий и широкоплечий мужчина со светлыми волнистыми волосами, сосредоточенными карими глазами и слегка кривой носовой перегородкой – явно трофей после драки. Когда была в общей столовой, Мегара успела услышать, что его зовут Ксандер. Она следит за ним взглядом ястреба. Лук держит в правой руке – левша, слишком расслаблен – вероятно, не воспринимает её, как серьёзного противника. Хорошо, пусть так и будет. Она этим воспользуется.

Мужчина без особого труда натягивает тетиву широкими пальцами, пёрышки слегка щекочут его пальцы. Шестерёнки начинают свой бег, а пар в механизме начинает клубиться сильнее.

Выстрел.

Стрела со свистом вылетает вперёд, сопровождаясь небольшим облаком пара, и врезается в мишень, её хвостик раскачивается вверх-вниз, пока не замирает. Он попал в середину, пробив поверхность мишени и уперевшись наконечником стрелы в манекен. Мегара слегка хмурит брови, но быстро расслабляет их, повторяя про себя.

“Помни, что говорила мама. Одной силы недостаточно, чтобы впечатлить Аполлона. Нужно проявить сноровку. Нужно выделиться, отдать часть себя. Это не просто стрельба, это танец с символом нашего Бога.”

Следующей была женщина – та самая, с серыми глазами, с которой Мегара говорила возле кузнеца. Её зовут Каллисто. У неё твёрдые руки, она точно знает, как ими управлять – то, как она заводит их себе за спину и направляет стрелу, не используя прицел, это действительно произведение искусства.

Выстрел.

Попадание во второе кольцо от центра. Стреляя со спины. Мегара едва скрывает своё восхищение от этих двоих – они действительно безумно хорошие стрелки.

— Твоя очередь, голубка, – женщина окликает её, и Мегара кивает, облизнув подушечку указательного пальца и слегка поднимает руку.

Слабый встречный ветер. Нужно больше упереться в рукоять и работать спиной. Её взгляд смещается на мишень.

“Слишком просто. Я недостаточно сильна телом для того, чтобы сравниться с этим мужчиной и недостаточно искусна, чтобы стрелять со спины, как эта женщина. Нужно выбрать другой способ выделиться.”

Оглянувшись назад, Мегара видит небольшую тренировочную баллисту. Внутри её головы словно что-то щёлкает. Она снова смотрит на женщину рядом с собой.

— Можно я возьму баллисту?

— Зачем? Боишься, что из лука попасть не сможешь?

— Нет. Я хочу выстрелить мишенью.

Все присутствующие молча смотрят на неё, и Мегара почти слышит едва заметный звук стрекотания сверчков, вторящий их непониманию.

— Ты хочешь выстрелить в летящую мишень?

— Да, – кивает она, снова кивая в сторону баллисты. – Так можно?

Гоплиты переглядываются между собой, прежде чем светловолосый мужчина, оставив лук с колчаном, отходит к баллисте, берёт её и уносит по направлению к мишени. Мегара чувствует, как внутри неё с каждым его шагом всё сильнее бурлит кровь.

Кажется, ей удалось их заинтересовать.

“Из-за встречного ветра стрела потеряет скорость быстрее. Нужно будет направить стрелу чуть выше мишени.”

Она выпрямляется и вытягивает лук перед собой, обхватывая рукоять большим и указательным. Стрела под указательным и над средним и безымянным пальцами. Прикрыв один глаз, Мегара наблюдает за тем, как светловолосый гоплит кладёт мишень в баллисту и встаёт на колени. Женщина широко вдыхает, расслабляя кисть.

Баллиста стреляет, мишень взлетает вверх, выше крыш домов, стоящих в отдалении, замирает в воздухе и начинает падать.

Время словно замедляется. Её глаза не отрываются от мишени, отмеряя каждую секунду биением сердца.

“Рано…”

Мишень продолжает падать – вот она уже на уровне крыш.

“Сейчас.”

Мегара отпускает стрелу, и та вылетает со свистом и облаком пара. Наконечник врезается в мишень, отбрасывая её вперёд. Деревянный круг, перевернувшись в воздухе, падает на землю.

Гоплиты начинают перешёптываться между собой: *“Она попала. Она правда попала”*. Какими бы ни были искусными воинами тан ихеарганцы – они предпочитали оружие ближнего

боя, так что мало кто из них действительно хорошо стрелял, а попасть из лука в летящую цель – и того сложнее.

Мегара опускает лук и оглядывается на них, пока светловолосый мужчина подбегает к ним, держа мишень в руках – стрела гордо торчит из самого центра.

— Ну что, – усмехается она. – Когда первый урок?

***

В воздухе Тан Ихеаргана, не переставая, чувствуется металлический привкус, напоминающий о кузницах и оружии, рождённых в его тяжёлых стальных стенах. Но в небольшом, собранном на скорую руку классе, запах старой бумаги и меловой пыли вёл доблестную, хотя и безнадёжную, битву за право на существование. Здесь слышались не гулкий лязг металла и грозное шипение пневматики, а детские голоса, перебивающие друг друга и учителя.

Мегара быстрым шагом ходит от парты к парте, восклицая, вероятно, очень заметно напряжённым, чтобы скрыть волнение, голосом. Кто же знал, что даже маленькие дети здесь такие буйные? Ей страшно представить, что будет с подростками…

— Я ваш ментор… – скомканный пергамент прилетает ей в лоб, и по классу пробегает волна весёлого хохота.

Она поднимает пергамент и выбрасывает, пытаясь снова заговорить.

— Пожалуйста, займите свои места! Нам нужно… – речь женщины обрывается от того, что скомканный пергамент прилетает ей в затылок, заставляя вздрогнуть.

— К чёрту твою писанину! – с нескрываемым ехидством десятилетний мальчик усмехается и кидает ещё одну скомканную бумажку в учителя.

— Возвращайся на родину!

Мегара глубоко вдыхает и выдыхает через нос, стараясь держать себя в руках, её тонкие пальцы сжимаются на книге, а зубы издают тихий скрежет от усилий сохранять спокойствие. Тот ли это момент, чтобы использовать перстень? Дети ведь знают о существовании принца, знают о его влиянии. Деймос для них почти что Бог, пример для подражания. Станут ли они спорить с тем, кто исполняют его волю?

“Я не хочу быть слабой. Я не хочу при малейшей проблеме полагаться на его помощь. Я должна справиться сама, если хочу что-то доказать им. Доказать себе. Если я смогла справиться с их родителями, значит справлюсь и с ними.”

Игнорируя летающие по классу вещи, женщина с нарочитым спокойствием поворачивается к ученикам спиной и подходит к своему столу. Она делает ещё несколько глубоких, размеренных вдохов, и крики учеников превращаются в фоновый шум. У неё ничего не получится, если она будет пытаться действовать, как тонкой души женщина из Мшаири. Если она хочет получить их уважение, ей нужно говорить на их языке. На языке завоевания и силы. Чтобы стать достойной матерью для Фанеса.

Увесистая книга с громким звуком хлопает по поверхности стола, привлекая внимание десятков удивлённых и озлобленных глаз. Даже обычно спокойный, сам себе на уме Фанес отвлекается от игрушки, которую мастерил из выброшенных металлических деталей, поднимая на мать взгляд.

— Я сказала, всем занять свои места! Разве так ведут себя будущие воины?! Где ваша дисциплина?! – Мегара сама удивляется тому, насколько громко, ровно и твёрдо звучит её голос, на мгновение она даже не узнаёт его. – Принцу Деймосу нужны достойные и организованные солдаты, а не сумасшедшие варвары!

Дети замолкают, недоверчиво щурясь. Упоминание принца заставляет их успокоиться хотя бы на какое-то время. Очевидно, что подрастающим детям важно, чтобы их герой не разочаровался в них.

— И так, сегодня у нас разбор сказки “Принц, Рыцарь Пепла и звёздный шпиль”. В ней повествуется о придворном рыцаре, который отправился в Пепельные земли, чтобы вернуть принца из заточения в хрустальном шпиле.

— А что такое шпиль? – донёсся голос одного из детей.

— Шпиль, простыми словами, это наконечник на крыше, - она старается подобрать описание, которое они точно поняли бы, – И, пожалуйста, поднимайте руку, прежде чем задать вопрос, – прокашлявшись, Мегара продолжает. – По легенде, в королевстве Восточная Авелия была жестокая традиция отдавать одного ребёнка в жертву зловещему дракону Пепельных земель, чтобы предотвратить скорбь, мор и голод на следующие сто лет. О запертом в хрустальном шпиле все забывали. И, к несчастью, чтобы вернуть принца из заточения, требовалось назвать его настоящее имя.

Одна девочка поднимает руку, и, получив кивок от учителя, наклонив голову вбок, как любопытный щенок, недоумевает.

— Но почему все забывали о принце?

— И как тогда рыцарь отправился в Пепельные земли, если ты сама сказала, что о нём должны были все забыть? – добавляет к её вопросу мальчик за соседним столом.

— Не забывайте про руки, – Мегара опускает взгляд на простенькую обложку из кожи, на которой вышито нитками название произведения. – Но ваши вопросы хороши. Все забывали о принце, потому что горе потери – это скорбь, а обещанием дракона было отсутствие скорби, мора и голода, как вы помните, поэтому он стирал память всем жителям. Однако главный герой от роду имел демонические глаза. В его зелёных радужках был красный зрачок, а не чёрный, как у нас с вами. Именно поэтому он не забыл о своём друге и был единственным, кто помнил его имя. Остальные считали его сумасшедшим и что он гоняется за призраком.

— Этот герой настоящий мужик! Мой отец поступил бы так же.

— И мой! Только настоящий солдат пойдёт в жуткое место один!

Мегара обречённо вздыхает, сдаваясь и решив перестать пытаться заткнуть детей, вместо этого присоединяясь к обсуждение.

— Вы правы, герой обладает недюжим мужеством, чтобы отправиться в Пепельные земли в одиночку, чтобы спасти своего друга. Итак, преодолев море песков, изуродованный драконом в жестокой битве, рыцарь доходит до хрустального шпиля.

— Как песок может быть морем? Это же невозможно! Море это вода.

— Это метафора, то есть здесь переносное значение. Его не нужно воспринимать буквально. Например, мы можем сказать “ветер свистит”. Но он не умеет свистеть. Это значит, что он дует со звуком, похожим на свист.

Класс молчит, но в их глазах на мгновение проскальзывает ясность. Кажется, они начинают постепенно понимать смысл её слов.

— Принц доходит до хрустального шпиля, находящегося высоко в небесах, озарённого лунным светом. Однако, к сожалению, его раны оказываются слишком серьёзными, из-за чего, освободив принца из заточения, он умирает на его руках. Принц не возвращается домой. Помня о том, как его бросила родная семья, он берёт на руки тело умирающего друга, он уходит обратно в шпиль, где они засыпают до тех пор, пока их тела не рассыпаются в пепел.

Дети начинают недовольно восклицать о том, что конец дурацкий и совершенно бесполезный, ведь не имеет смысла. Женщина на это лишь спокойно выдыхает через нос и кладёт книгу на стол, прикрыв глаза.

Кто-то возмущается, что было глупо отправлять принца, когда можно было бы отправить какого-то крестьянина.

— Вам стоит понять одну вещь. Если вы не понимаете смысл, не значит, что его нет. Некоторые вещи мы начинаем осознавать только с возрастом, а иногда только при повторном прочтении – это нормально. Не все вещи достигают нас с первого раза.

Она ждёт несколько секунд, пока ученики успокоятся и посмотрят на неё, ожидая объяснения смысла.

— Сюжет сказки это аллегория. Аллегория это способ выразить что-то через образ. Например, чтобы выразить своё боевое мастерство, принц Деймос может делать трюки с копьём, которые больше никто не умеет.

Дети, удовлетворённые сравнением, щурятся.

— Так вот, истинный смысл сказки в том, что рыцарь был единственным, кто видел в принце не политический инструмент или королевскую знать, а человека и своего друга. Именно поэтому он единственный помнил настоящее имя принца. И вот почему в хрустальный шпиль отправили именно принца. Если бы выбор был более точным, например, можно отправлять только принцев или только крестьян, то это была бы просто история о жертвоприношениях, а не скорбь мальчика о том, что его никто не видит, кроме его рыцаря.

Открыв на случайной странице книгу, Мегара начинает читать.

***

Сколько я себя помню, запах тюльпанов всегда пробуждал воспоминания о нём и солнечных, беззаботными днях, таких же ярких, как нежные лепестки прекрасных цветов, когда мы прятались от обязанностей в королевском саду, среди кустарников, и наши глаза сияли от предвкушения. У нас не было книг или деревянных мечей, лишь наше воображение. Мы сочиняли истории о наших приключениях, о том, как мы уедем далеко-далеко и будем свергать чудовищ и спасать попавших в беду. Я и не знал, как скоро аромат беззаботного детства превратится в пепел на языке и ощущение вырванной из тела души.

В тот роковой день запах тюльпанов для меня навсегда стал запахом потери, пустоты, которую ничего не заполнит, боли, которую ничто не вылечит.

Весть о том, что Его Высочество Яно должен стать следующим «дитя в шпиле» выбила почву у меня из-под ног. Я заметил краем глаза, как его тонкие шарнирные пальцы совсем ослабли и выронили книгу, и она с глухим стуком ударилась о дорожку. Он попытался улыбнуться, но я видел, что улыбка не доходила до его золотых, поцелованных солнцем глаз.

Ваше Высочество. Мой принц. Я эгоистичен. Я не хочу, чтобы вы меня оставляли. Из всех людей лишь вы не видели во мне чудовище или оружие. Вы не только не отвернулись от моих глаз, но и были настолько великодушны или глупы, чтобы посчитать их красивыми.

Почему из всех людей именно вы должны были занять это место? Будь проклят тот дракон, что принёс эту весть. Доколе бьётся моё сердце, я не прощу ему. Я приношу в жертву свою клятву, данную не короне, но вам, Мой озарённый лунным светом принц, что найду этого монстра и пущу ему кровь. Даже если моё тело само рассыпется в прах и станет частью Пепельных земель.

— Мнемос... – прошептали вы, и на ваших губах моё имя не казалось проклятьем, но в голосе была дрожь, так и не успокоившаяся вашем теле после тех ужасных слов. – Я почувствовал, как моё королевство только что стало больше, а мой мир стал очень-очень маленьким.

***

— Существует такой художественный троп, как антитеза. Антитеза – это противопоставление. Например, вы противопоставляете мечу врага свой щит. Сейчас я вам прочитаю цитату из сказки, а вы должны будете сказать, где здесь антитеза, – Мегара переводит взгляд с детей на страницу “Рыцарь Пепла…”. – “Я чувствую, что моё королевство только что стало больше, а мой мир стал очень, очень маленьким”.

— Больше и маленьким?

— Верно! Принц Летеан противопоставляет свои чувства положению королевства. Он чувствует себя крошечным по сравнению с чем-то огромным, что с его жертвоприношением для него начинает ощущаться лишь ещё больше. Принцу кажется, что он один против огромной страны.

Оставшаяся часть урока проходит уже без особых проблем – разве что иногда дети забывают поднимать руку перед тем, как что-то сказать или спросить, о чём Мегара спокойно напоминает им. И, глядя в любопытные и горящие жизнью глаза, ей кажется, что, с каким бы испытанием она не столкнулась – это определённо стоит того.

***

Сад при претории – единственное место во всём Тан Ихеаргане, где тишина – это не признак надвигающейся опасности, а задумчивое умиротворение. Высокие стены из тёмного обожжённого кирпича отсекают гул кузниц, оставляя лишь шёпот ветра в кронах высаженных по периметру кипарисов. Здесь пахнет землёй и нагретой на солнце хвоей. Фонтан в центре сада — простая каменная чаша без украшений — тихо журчит, и мягкий звук действует на нервы любому ихеарганцу, привыкшему к лязгу и грому. Для них здесь слишком тихо, слишком спокойно, слишком безжизненно.

Но сейчас сад претория не безмолвствует.

Тяжёлые деревянные спаты, обитые потемневшей от пота кожей, сталкиваются с глухим стуком. Звук ударов деревяшек друг о друга разносится по всему саду, перебивая тихий шелест травы и журчание фонтана. Деймос и Терапон движутся по кругу на затоптанном участке земли между фонтаном и старой оливой. Песок здесь смешан с мелкой галькой, и каждый шаг сопровождается едва заметным хрустом. Дорожка вокруг них усыпана сломанными ветками и редкими листьями — следами утренней тренировки, начавшейся задолго до того, как колокола прозвонили подъём.

Принц, облачённый лишь в лёгкий тренировочный льняной хитон до колен и защитный нагрудник из вываренной кожи, кажется вырезанной из цельного куска мрамора статуей, которая ожила и покинула постамент, чтобы насладиться боем. Мышцы на его предплечьях перекатываются под кожей, пока он перехватывает деревянный клинок то прямым, то обратным хватом. В утреннем свете, пробивающемся сквозь кроны кипарисов, его клубнично-блондинистая грива отливает медью, а на висках уже блестят капли пота. Терапон держится свободнее. Его длинные каштановые волосы собраны в привычный тугой, тщательно затянутый хвост, чтобы не мешать обзору, но выбившаяся прядь всё равно липнет ко лбу. Чёрные глаза не упускают ни одного движения принца. Бой с Деймосом – это не просто тренировка. Это чтение языка тела, занятие, которому Терапон обучался столько же, сколько и фехтованию. Вся его жизнь была лишь подготовкой к служению человеку перед ним.

— Ваше Высочество, – произносит Терапон, совершая короткий финт влево и уходя на полшага назад, прежде чем принц успевает среагировать, – вы сегодня особенно мрачны.

Говорит он ровно, почти лениво, и по его губам скользит тень улыбки. Но взгляд его остаётся цепким, как у ястреба. Терапон знает, что слова во время боя так же опасны, как и пропущенный удар. Он использует их намеренно.

— Куб не поддаётся?

Деймос не отвечает сразу. Его лицо – обычно строгое и замкнутое – сейчас кажется высеченным из камня. Глаза, янтарные, как два куска льда, политых мёдом, сужены, а скулы напряжены. Он делает резкий шаг вперёд, сокращая дистанцию в долю секунды, и наносит серию мощных рубящих ударов: первый – сверху, второй – сбоку под углом, третий – диагональный снизу, целясь в рёбра.

Каждый удар тяжёл, как кузнечный молот. Дерево глухо ударяется о дерево, и по саду разносится низкий гул. Терапон парирует все три – чисто, без паники, но каждый блок заставляет его отступать на полшага назад. Он чувствует отдачу в локти и плечи. Принц сегодня бьёт не для тренировки. Он бьёт с холодной, сдерживаемой яростью, выпуская эмоции, бушующие под мирной поверхностью, как ураган, заключённый в стеклянную банку.

— Нет, – выдыхает Деймос, когда они наконец разрывают дистанцию и замирают друг напротив друга, восстанавливая дыхание. – Вчера просидел над ним до третьей стражи. Не поддаётся.

Он проворачивает спату в кисти, разминая запястье.

— Я не понимаю.

Терапон не отвечает. Деймос атакует снова. На этот раз удар низкий, под колено – быстрый, почти незаметный, за которым немедленно следует колющий выпад в грудь, призванный добить упавшего противника. Комбинация, отработанная до рефлекса.

Но Терапон не падает. Он крутится вокруг своей оси, уходя в сторону, пропуская оба удара в воздух, и тут же отвечает косым ударом по плечу. Дерево звонко щёлкает по наплечнику Деймоса, оставляя на коже свежую отметину. Очко Терапону. Он не радуется, лишь позволяет себе едва заметно приподнять уголок рта.

— Я видел, как вы справлялись с вещами сложнее, – замечает он спокойно, снова уходя в защитную стойку, спата перед грудью. – Может, ключ не в силе, а в хитрости?

Деймос не отвечает. Его глаза сужаются ещё сильнее, и воздух вокруг него, кажется, накаляется. Он переходит в яростный натиск. Два лучших воина каструма закружились в центре сада. Удары сыплются один за другим – быстрые, точные, выверенные до миллиметра. Деревянные клинки стучат, словно барабанная дробь перед казнью. Ни одного лишнего движения. Ни одного удара, нанесённого просто так. Каждый выпад рассчитан, каждый блок поставлен с минимальной затратой сил. Терапон отбивает, отступает, иногда нарочно открывается, проверяя реакцию принца – но Деймос не попадается на провокации. Его стиль остаётся жёстким, экономным, почти безупречным. Однако Терапон, правая рука Его Высочества и лучший мечник каструма после самого принца, замечает то, чего не заметил бы никто другой: крошечную задержку перед ударом слева. Принц чуть дольше группируется, чуть заметнее переносит вес. Там, в глубине сознания, копошится мысль о кубе, и эта мысль стоит Деймосу доли секунды. Терапон не атакует эту слабость. Он лишь запоминает её.

Несколько минут они бьются почти без пауз. Пот стекает по вискам, дыхание становится тяжёлым и горячим. Ткань хитонов темнеет от влаги. Даже птицы, обычно щебечущие в кронах кипарисов, умолкают, будто не решаясь мешать этой молчаливой, яростной симфонии. Это уже не бой, это уже вальс из мечей и воли.

Наконец Терапон ловит момент. Он делает обманное движение влево – корпус уходит, плечо проворачивается, и кажется, что удар последует именно оттуда. Деймос ведётся, смещая вес на правую ногу. Но в последнее мгновение Терапон резко меняет траекторию, приседает и подсекает левую ногу принца. Деревянная спата описывает короткую, хлёсткую дугу и цепляет лодыжку.

Деймос теряет равновесие. Падение длится всего секунду, но в бою этого хватило бы, чтобы противник нанёс смертельный удар. Однако принц успевает перекатиться через плечо, уходя из зоны поражения, и вскочить на ноги прежде, чем Терапон делает шаг вперёд. Движе-

ние плавное, текучее, уверенное, без единой дрожи. Даже в падении Деймос остаётся смертоносным.

Терапон не добивает. Он останавливается, опуская оружие, и на его лице появляется то самое выражение, которое Деймос знает слишком хорошо: лёгкая, почти незаметная улыбка. Не насмешливая. Скорее понимающая.

— Довольно, – тяжело выдыхает Деймос, опуская спату остриём в землю.

Он проводит ладонью по мокрым волосам, отбрасывая их назад. Грудь вздымается часто. На боку, куда пришёлся удар Терапона, расплывается красное пятно – будет синяк, но Деймос не обращает на это внимания.

Терапон тоже опускает оружие. Дышит он ровнее принца, хотя грудная клетка ходит ходуном.

— Вы сегодня хороши, как всегда, Ваше Высочество, – произносит он, вытирая лоб тыльной стороной ладони.

Деймос не принимает похвалы. Лишь короткий, сухой кивок. Он подходит к фонтану, наклоняется и плещет ледяной водой в лицо. Капли стекают по подбородку, падают на землю, смешиваясь с песком. Терапон следует за ним, но к воде не притрагивается – вместо этого опирается плечом на ствол старой оливы и складывает руки на груди.

Тишина между ними повисает плотная, как предгрозовой воздух. Но Терапон умеет с ней обращаться. Он ждёт, пока принц заговорит первым. Деймос выпрямляется, стряхивает воду с пальцев и смотрит на свою спату, оставленную у фонтана.

— Я перепробовал всё, – повторяет он глухо, обращаясь не столько к Терапону, сколько к самому себе.

Терапон медленно отталкивается от дерева и делает шаг к принцу. Его голос звучит мягче, чем обычно – но без слабости, без лести, лишь с той спокойной прямотой, которую он может позволить себе только наедине с Деймосом.

— Я думал об этом, – говорит он. – Если куб Талоса всё ещё не сдаётся… может, стоит показать его мисс Мегаре?

Деймос поднимает голову. Янтарные глаза впиваются в Терапона — не гневно, но с пристальным, испытующим вниманием.

— Она из Мшаири, – продолжает Терапон, выдерживая этот взгляд без усилия. – У них там свои древние механизмы, старше наших. Иные принципы, иные мастера. Возможно, она видела нечто подобное. Или, по крайней мере, знает, с какой стороны подойти.

Он делает паузу.

— Вы сами говорили: она упряма. Упрямство и загадки – хорошая пара.

Принц не отвечает мгновенно. Его взгляд скользит к фонтану, к медленно расходящимся по воде кругам, к отражению неба в чаше. Затем снова возвращается к Терапону.

— Возможно, – произносит он наконец. – Завтра. Я подумаю.

Он подходит к спате, поднимает её, взвешивает в руке. Деревянный клинок всё ещё хранит тепло его ладоней. Затем Деймос направляется к выходу из сада – широким, размашистым шагом, не оглядываясь.

Терапон провожает его взглядом. В чёрных глазах – тихое, спокойное беспокойство. Он знает Деймоса достаточно давно, чтобы понимать: даже после такой схватки, даже выплеснув ярость в бой, принц остаётся закрытым. Словно железные ворота Каструма – массивные, неподъёмные, холодные на ощупь.

Он наклоняется, поднимает свою спату, кладёт её на плечо и идёт следом, на шаг позади. Как всегда.

***

Самое сложное для Мегары – это смириться с тем, что завтрак в Тан Ихеаргане — не церемония. Никто не сидит за длинными столами, не читает стихи под звон кифары и не пьёт вино, наслаждаясь солнечным утром. Воины едят быстро, стоя или на корточках, держа миски в одной руке и ложки в другой. Полба со свининой, щедро сдобренная жиром и солью, дымится в больших котлах, установленных прямо во дворе перед казармами. Очередь движется живо, каждый получает свою порцию и отходит в сторону, освобождая место следующему.

Мегара стоит в этой очереди, чувствуя себя пазлом, который идеально встал по форме, но был совершенно из другого набора, чем портил общую картину. В своём кремово-бежевом хитоне с золотой стрелой в волосах она выглядит так, будто сошла с фрески, что по ошибке повесили в тренировочном лагере. Вокруг неё – загорелые, мускулистые, покрытые шрамами люди в грубой одежде, и каждый из них знает своё место и свою роль. Она – нет. Из-за того, что Фанес остался дома, ей немного тревожно и одиноко, несмотря на то, что вокруг много людей.

Когда подходит её очередь получить порцию густой, пахнущей дымом кашей и, помедлив, обращается к раздатчику – сухому, жилистому мужчине с седыми висками и отсутствующим левым ухом.

— Прошу прощения. Я могу взять еду с собой?

Мужчина поднимает на неё глаза — мутные и скучающие, как у старого пса, который уже много лет видел одну и ту же картину.

— Все едят здесь.

— Я понимаю, но мой сын…

— Все. Едят. Здесь, – отрезает он, и за его спиной раздаются смешки.

Мегара не отступает. Она стоит, держа пустую миску обеими руками, и смотрит раздатчику прямо в глаза. Она не возмущается и не угрожает, но и не уходит. Она просто продолжает объяснять.

— Ему пять лет. Он остался один. Он не знает ваших правил. Я прошу вас, позвольте мне поесть вместе с ним.

— Правила для всех одни, голубка, – бросает кто-то из очереди.

— Тогда я откажусь от еды и пойду к нему, – Мегара ставит миску обратно на край котла.

Это останавливает смех. Отказ от пищи – жест, который даже здесь, в мире, где еда это, пусть и не церемония, но важная часть распорядка дня, не могут проигнорировать. Раздатчик поднимает бровь. Вокруг начинают собираться люди. Кто-то смотрит с любопытством, кто-то — с насмешкой. Им скучно, они устали от однотипных событий каждого своего дня. Они хотят зрелищ.

Высокий воин с выбритой по бокам головой и горбатым носом выходит вперёд. Он скрещивает руки на груди и оглядывает Мегару с головы до ног, как оглядывают новобранца перед строем.

— Хочешь исключение, голубка? – его голос скрипучий, с издёвкой. – Заработай его.

— Что нужно сделать? – Мегара спрашивает спокойно, хотя внутри у неё всё сжимается.

— Планка. Минуту. Простоишь – заберёшь еду с собой.

По толпе прокатывается волна смеха. Планка для них – разминка, даже не упражнение. Они стоят в планке по пять минут, по десять, на кулаках, с грузом на спине. Для воина это смешно. Для Мегары, которая ни разу в жизни не проходила через силовые тренировки и чьи мышцы ни разу не подвергались поистине тяжёлым испытаниям, не считая гимнастики и стрельбы из лука, это насмешка в чистом виде. Разумеется, они уверены, что она провалится или вообще струсит отвечать на вызов – мшаирианцы носили репутацию изнеженных, что ничего тяжелее лиры не держали.

Она смотрит на воина, потом на миску в руках, потом на лица вокруг – весёлые, любопытные, безжалостные. На мгновение её пальцы касаются перстня под хитоном. Тяжёлый, тёп-

лый от тела. Одно движение – и она покажет его. Все отступят, и она возьмёт еду. Никто не посмеет спорить. Деймос дал ей это право. Мегара может им воспользоваться. Но вместо этого она ставит миску на край стола и опускается на землю. Камешки впиваются в ладони. Она вытягивает ноги, ставит носки на землю, поднимает корпус. Планка.

В первую секунду это кажется выполнимым. И в десятую. И в пятнадцатую.

На двадцатой секунде – терпимым. Пусть она и не воин, но умение хорошо стрелять играет свою роль – её плечи и грудь достаточно крепкие, чтобы до тридцатой секунды стоять почти без проблем.

На тридцатой секунде руки начинают дрожать.

На сороковой – дрожь переходит в тремор, плечи горят, живот сводит судорогой. Мегара смотрит в землю перед собой, считая про себя удары сердца, и каждый из них отдаётся в мышцах болью. Дыхание сбивается. Поясница начинает прогибаться вниз, она ловит себя на этом и выравнивается рывком, тратя на это последние силы.

Воины вокруг замолкают. Не потому, что впечатлены, а потому, что наблюдают. Как грифы за держащейся на последнем издыхании жертвой, что вот-вот свалится. Мегара, женщина, которая до вчерашнего дня не держала ничего тяжелее книги и ручки сына, стоит в планке посреди каструма, и никто не смеётся. Кто-то качает головой. Кто-то переглядывается. Это не уважение – ещё нет. Но это любопытство, смешанное с чем-то похожим на ожидание. Они уже не издеваются, а испытывают её на прочность.

На пятидесятой секунде её руки подкашиваются. Она падает, плашмя распластавшись по земле. Ловит воздух ртом, по лицу градом течёт пот.

— Слабо, – бросает кто-то сзади.

Мегара не встаёт. Она тяжело дышит, упираясь лбом в каменистую землю, и чувствует жгучую, обжигающую злость – не на них, не на каструм, а на себя. Она должна была продержаться. Она должна была…

— Забирай, – доносится голос раздатчика.

Мегара поднимает голову. Он уже накладывает кашу в оставленную ею миску и протягивает ей. Несмотря на то, что она не справилась. В его мутных глазах Мегара замечает нечто похожее на веселье.

— Но я ведь…

— За упрямство.

Неподалёку, в тени одной из казарм, стоят двое. Деймос наблюдает за происходящим, скрестив руки на массивной груди. Его янтарные глаза не выражают ничего – ни одобрения, ни осуждения, ни удивления. Он смотрит так, как смотрят на тренировочный бой: оценивая, запоминая, делая выводы.

Терапон стоит рядом, на полшага позади, и тоже наблюдает. На его губах держится слабый намёк на улыбку.

— Перстнем не воспользовалась, – произносит он сухо, не отрывая взгляда от сцены. – Принципиальная.

Деймос не отвечает сразу. Он смотрит, как Мегара, шатаясь, поднимается на ноги, как принимает миску, прижимая её к груди, как уходит – не гордо, не победоносно, но и не сломлено. Уходит с той же привычной осанкой, что, казалось, высечена в её костях.

— Принципиальная, – повторяет он наконец, и в его низком голосе едва уловимо проскальзывает что-то, чего Терапон раньше не слышал. – Или глупая.

Терапон позволяет себе короткий, почти бесшумный смешок. Деймос поворачивает голову и смотрит на него. Взгляд тяжёлый, но не гневный. Скорее задумчивый.

— Пятьдесят секунд. Для неё это как для нас – час с полной выкладкой.

— И всё же она встала. Зная, что проиграет.

Деймос переводит взгляд обратно на удаляющуюся фигуру в кремово-бежевом хитоне. Она так бережно несёт миску, будто это сокровище, а не обычная воинская похлёбка.

— Это интересно, — задумчивым голосом произносит он наконец.

Терапон поднимает бровь. За всё время, что он служит Деймосу, он слышал от него “приемлемо”, “допустимо”, “бесполезно” и другие слова, оценивающие исключительно эффективность. “Интересно” – слово, которым принц не разбрасывается. Это что-то более личное, выходящее за рамки безучастного размышления о полезности.

— Интересно?

— Интересно, – повторяет Деймос, разворачивается и уходит в сторону котельной, давая понять, что разговор окончен.

Терапон провожает его взглядом, потом снова смотрит туда, где недавно была Мегара. На земле, где она стояла в планке, остались две маленькие ямки от её ладоней. Он задерживает на них взгляд на пару секунд, а затем уходит следом за принцем.

***

Вечерний каструм прекрасен – паровые фонари освещают тёмные улицы, отбрасывая длинные тени на металлический пол класса, где сидит Мегара. Сон в последнее время ускользал от неё, гонимый прочь беспокойной энергией новой жизни в странном, суровом мире. Но, что странно, её ни на минуту не посещала мысль о желании вернуться обратно в родной город.

Сидя в тихом святилище своего класса, с потрёпанной книгой в кожаном переплёте, раскрытой на коленях. Это была её личная и любимая лиро эпическая поэма, которую она перечитывала сотни раз; её страницы стали мягкими от частого использования, а корешок потрескался во всех тех местах, где её пальцы задерживались на протяжении многих лет. “Песнь о бескрайних звёздах”. История о королеве-воительнице Зене и кузнеце звёзд Агапите, что объединили свои королевства клятвой вечной любви.

Она не ждала компании.

Перемена в воздухе была едва уловимой, но Мегара довольно быстро научилась её распознавать – ощущение присутствия, знакомая поступь тяжёлых металлических сапогов. Она не поднимает взгляда от книги, но её голос, тихий, мягкий шёпот, чтобы не разбудить сына, дрожит всего на мгновение.

— Ваше Высочество.

Деймос стоит в дверях. Не входит. Не говорит. Он просто... смотрит. Его глаза, видимые даже в тусклом свете, устремлены на неё с напряжённостью, которая должна бы тревожить. Вместо этого она становится... привычной. Странный, безмолвный ритуал между Принцем Тан Ихеаргана и ментором из Мшаири.

— Что вы читаете?

— Мою любимую поэму. “Песнь о бескрайних звёздах”, – Мегара застенчиво вжимает голову в плечи, словно прячась. – Х-Хотите, я почитаю вам?

Она заикается. Деймос молчит несколько мгновений, его глаза потухают в задумчивости. Мегара поднимает взгляд на него, рассматривая хмурое лицо. Мужчина спустя ещё какое-то время кивает.

— Хорошо…

Мегара тихо вздыхает и продолжает читать, её голос теперь был увереннее, хотя она остро ощущала его присутствие. Слова поэмы льются с её губ, древние и мелодичные, описывая первую встречу королевы-воительницы и кузнеца звёзд — встречу подозрения и любопытства, двух могучих сил, кружащих друг вокруг друга, не зная, напасть или раскрыть объятия.

И она взглянула на него, создание из света и пламени,

И не преклонила колен, хоть тяжесть его взора была целым миром.

“Я не добыча”, – промолвл…”

Чёрт, она закинулась. Она никогда не заикалась, когда читала. Ей нужно взять себя в руки. Он ведь не пытается прикоснуться к ней. Просто стоит у входа. Даже в класс не вошёл. Его Высочество не представляет угрозы для неё. Он далеко.

Мегара прикрывает глаза и делает глубокий вдох.

— Извините.

Она продолжает, стараясь не обращать внимание на покалывание в охладевших пальцах, сжимающих книгу слишком сильно.

“Я не добыча”, – промолвила она, и голос её был острым, как и её клинок. – “Я прилив, что лепит берег. Я буря, что крушит горы”.

И он, кователь звёзд, улыбнулся. Трещина в броне неба.

“Тогда станем бурей вместе”, — сказал он. – “Пусть наш гром сотрясёт небеса, и наши молнии выкуют новый мир из пепла старого”.

Женщина продолжает читать ещё около пятнадцати минут. Деймос в её класс так и не входит, всё это время стоя у двери и слушая довольно внимательно для человека, не особо заинтересованного в искусстве. Постепенно её тревога успокаивается, и запинки больше не возвращаются. Возможно, потому что он, имея безграничную власть здесь, оставляет ей собственный клочок земли, куда не ступает без разрешения.

Голос Мегары смягчается на последних строках; слова отдают надеждой, которую она, как казалось, давно похоронила. Она прикрывает книгу, её пальцы, уже расслабленные, задерживаются на тиснёной обложке.

— Это красиво, — тихо говорит она, скорее себе, чем ему. — Мысль о том, что двое людей, таких разных, могут найти способ стать единой бурей вместо того, чтобы уничтожить друг друга.

Тишина затянулась, и она почувствовала, как вес его взгляда сместился, стал как-то тяжелее.

— Зачем ты читаешь? – Его голос, когда наконец звучит, похож на низкий рокот. – Детям – я понимаю. Образование. Стратегия. Но одна, в темноте... зачем?

Мегара поднимает на него взгляд – на холод его глаз, на то, как тусклый свет ловит рыжие концы его волос. Она подумывает дать вежливый ответ. Расслабляет. Привычка. Помогает скоротать время. Но что-то в его неподвижности, в его подлинном любопытстве заставляет её захотеть предложить нечто настоящее.

— Потому что слова – единственное, что у меня есть, – Мегара гладит обложку книги большим пальцем. – Это бальзам для моей души. Обмен чувствами. Напоминание самой себе, что сила может быть мягкой, а власть может быть тихой… И что любовь действительно существует.

Он долго молчит, перерабатывая её слова с той же аналитической сосредоточенностью, с какой, возможно, изучил бы тактический доклад от гоплитов.

— Могу ли я спросить, почему вы попросили двенадцать рукописей, Ваше Высочество?

— Эта книга, – Деймос кивает на стол Мегара, где лежит книга с надписью “Ночь в заснеженной дали”. – О чём она?

Не совсем тот ответ, что женщина ожидала получить. Скорее больше похоже на то, что Деймос прослушал её вопрос мимо ушей и вместо этого задал собственный. Впрочем, она была не против ответить.

— О двух мальчиках из двух враждующих поселений. Они смогли подружиться и даже помочь друг другу пережить зиму. О том, что мы можем любить и ценить друг друга при всех различиях.

— В ней есть скрытый смысл, послание к читателю, она заставляет думать. Немногочисленная литература моего каструма довольно... прямолинейна. Она ему изменила. Он убил её и пошёл мстить мужчине, с которым она ему изменила. Конец, – замолчав ненадолго, словно обдумывая, как лучше донести мысль, принц продолжает. – Такие книги не заставляют думать. Они просто позволяют скоротать время, пока ты не можешь провести его с товарищами в пабе или поехать в военную кампанию, потому что у тебя сломана нога.

Вот, в чём дело – обычное человеческое любопытство. Желание повелителя каструма в поиске знаний вполне естественно – все люди тяготеют к знаниям в той или иной мере, пусть иногда и совершенно в разных вещах.

И всё же, Мегара ненароком подмечает, что это, было, на удивление длинно для него. Возможно, при большом желании принц Деймос умел разговаривать продолжительно, просто редко пользовался. Или же редко для него появлялась возможность поговорить.

— Вы хотите создать собственную библиотеку, Ваше Высочество? Поэтому вы попросили двенадцать рукописей?

Деймос кивает.

— Культурное обогащение эффективно.

— И какая рукопись вам понравилась больше?

— А вам?

— Вопросом на вопрос отвечать невежливо.

— Не поймите меня неправильно. Я спросил, потому что понятие «нравится» далеко от меня так же, как от вас военные построения. Я делю рукописи на эффективные и неэффективные.

— Ну, как я уже сказала, моя любимая рукопись это “Песнь о бескрайних звёздах”. Когда я впервые прочитала её, я страдала от безответной любви, и безоговорочная и очаровательная преданность кузнеца к королеве воинов покорила меня. Мне, возможно, хотелось побыть на её месте. Чтобы... Чтобы кто-то точно так же заботился обо мне и сковал для меня небосвод.

Мегара едва слышно хихикает. Звук выходит подавленным и жалким.

— Глупо.

Деймос наблюдает за ней, облокотившись на дверь, его глаза скользят по женскому силуэту, замирая на лице, прежде чем он выдыхает:

— Читайте дальше.

— Что?...

— Хочу, чтобы вы читали дальше.

Мегара не решается переспрашивать, она послушно открывает книгу на оставленной странице и продолжает читать, чувствуя, что щёки начинают немного гореть от застенчивого румянца.

Королева-воительница и кузнец звёзд становились ближе, их подозрения уступали место чему-то хрупкому и новому. Они делились историями своих миров, своих ран, своих надежд. Они узнали, что сила – это не отсутствие страха, а отказ быть им управляемым.

Деймос не двигается из дверного проёма. Он не садится, не просит разрешения войти, не даёт никаких признаков того, что он нечто иное, нежели статуя, изваянная из металла и крепкой воли. Но Мегара чувствует, что он слушает каждое слово, каждую едва заметную запинку, каждую смену интонации, каждую тихую паузу.

Когда она доходит до отрывка об одиночестве кузнеца звёзд, о тяжести создания света во вселенной, которая часто предпочитает тьму, она слышит мягкий выдох из дверного проёма. Это было настолько по-человечески уязвимо, что Мегара решает, что ей это лишь показалось. Она не поднимает на него глаз, не спрашивает, всё ли в порядке. Делает вид, что не заметила, позволяет ему быть уязвимым в этом тихом, интимном моменте. Позволяет ему быть понятым и, возможно, не таким одиноким. Мегара читает дальше ровным голосом, пусть её сердце и

бьётся немного быстрее, она сильнее вжимает голову в плечи, сутулясь, словно стараясь стать меньше.

“Кажется, будто я застукала его за чем-то личным и сокровенным”.

Она читает о шрамах королевы-воительницы — физических и иных, — и о том, как кузнец звёзд проводил по ним пальцами не с жалостью, но с благоговением. Она читает об их первом поцелуе — столкновении огня и звёздного света, обещании, скреплённом не цепями, но выбором.

“Ты не моё спасение”, — прошептала она в его губы.

“Нет”, — согласился он. — “Я твой соратник. Тот, кто встанет рядом с тобой, когда мир будет гореть, и поможет тебе построить нечто новое из пепла”.

Мегара закрывает книгу; в горле у неё сжимается комок. Последние слова висят в воздухе, хрупкие и глубокие. Она поднимает взгляд. Деймос всё ещё стоит в дверном проёме, но что-то в нём изменилось – жёсткая линия его плеч смягчилась почти незаметно. Его руки, обычно сжатые в кулаки по бокам или тесно скрещенные на груди, выглядели расслабленно. И его глаза... его глаза больше не оценивали, не анализировали, не категоризировали. Они просто... смотрели куда-то в пустоту.

— Кузнец звёзд, – медленно произнёс он, словно пробуя форму слов на вкус. – Довольно глуп.

— Он понимал, что самые крепкие узы рождаются не из битвы, а из выбора. Выбора быть рядом день за днём, и продолжать выбирать оставаться, – мягко оспаривает Мегара его слова, стараясь не смеяться, расправляя плечи. – Вот, что значит настоящая любовь. Биться не друг против друга, а друг за друга.

Долгая тишина. Гул крепости, казалось, затихает, оставляя лишь пространство между ними. Деймос молчит, сощурив глаза. Молчание длится так долго, что становится неловко, и она решает заговорить первой.

— Почитать вам ещё? – Мегара слабо улыбается.

Вместо ответа принц коротко кивнул.

Вечер постепенно переходила в ночь.

А Мегара всё читала. До глубокой ночи, пока он не ушёл, оставив её наедине с противоречивыми чувствами, бьющимися внутри о рёбра, словно океанские волны о подножие скалы.

***

Свет раннего утра скользит через окна в класс, падая на детские рисунки на стене.

Юные воины сидят рядами, слушая своего ментора. Фанес, сидящий в дальнем уголке класса, водил цветными мелками по бумаге, создавая очередное “произведение искусства”, что повесят на стену.

Мегара ходит перед доской, продолжая рассказ.

— Итак, «Ночь в заснеженной дали» это история про двух мальчиков-подростков, чуть старше вас. Один из них был южанином, случайно забредшим на территорию северных земель, где его поймал здешний клан варваров. Из-за того, что на нём была мушкетёрская форма, вождь клана хотел потребовать за него выкуп. Но его планам не суждено было сбыться, ведь на их землю обрушилась пурга. Тогда они решили ждать первой весенней оттепели, но до тех юный мушкетёр должен был прожить с ними целую зиму. Сначала его все не принимали. Разумеется, ведь он был чужим для них. Но доброта и веселье этого мальчика были настолько заразительны, а его забота об окружающих не делилась на своих и чужих, что постепенно варвары начали оттаивать к нему. Но мальчика терзали внутренние смятения, ведь он чувствовал себя бесполезным, потому что каждый раз сравнивал себя и крепких мужчин и женщин клана. Он

не мог орудовать дубинкой или топором, он не был угрожающим. Единственное, что у него было – это его рапира, настолько тонкая, что больше походила на иглу.

Мегара смачивает губы и проводит подушечкой пальцев по обложке.

— И когда он пытается поохотиться, однако его рапира не протыкает шкуру зверя, и он едва не погибает. Чудом его успевает спасти сын вождя. Он кричит на него за глупость и нерасторопность, но когда понимает, что мушкетёр просто хочет быть полезным, сын вождя смягчается. Он убеждает его в том, что его польза не в мышцах или том, владеет ли он топором, а в его голове. Именно он помог им построить хороший забор, подсказав, где доски стоит подпилить. Именно он рассказывал детям истории на ночь и помогал старикам в тех вещах, которые их клан считал неважными. Отличие от них не было его пороком. Это было его преимуществом. Именно его особенность и делала его полезным, но он не видел этого за стыдом и желанием угодить, пытаться стать тем, кем он никогда не был. Как думаете, что хотел сказать автор?

— Что нужно ковать хорошую рапиру?

— Что не надо бросаться в бой с зубочисткой?

— Нет, – с усмешкой Мегара открывает книгу на нужной странице. – Что мы не должны пытаться переделать себя, чтобы стать кому-то полезными. Порой мы нужны людям именно такими, какие мы есть. И нас примут и будут ценить, даже если мы отличаемся от окружающих.

***

Зимний лес был белым собором тишины, приглушенной свежим слоем снега. Филимон, закутанный в одолженный волчий плащ, двигался с комичной осторожностью, держа перед собой тонкую южную рапиру, словно лозу для поиска. Оружие казалось абсурдным в этом пейзаже — игла против мира меха, клыков и шкур.

Он видел эти едва заметные взгляды за завтраком. Члены клана, тащившие кабана размером с пони, с клыков которого свисал лед. Он видел, как Мегера распределяла мясо, ее взгляд на мгновение остановился на нем с практичной, незлобной оценкой: еще один рот, который нужно накормить, к тому же слабый. Тепло ниши Арктура и одолженный плащ — всё это было благотворительностью. А Филимон, тупица из Южного полка, устал быть нахлебником.

Поэтому он взял свою рапиру и проскользнул в лес. Его целью было существо, которое он слышал как «морозный заяц» – крупное, якобы многочисленное. Он увидел одного, белое пятно на белом фоне, и бросился в погоню.

Оглядываясь назад, он понимал, что катастрофа началась с самого первого шага. Он споткнулся о корень, потерял добычу, а затем, чудо из чудес, наткнулся на другого, грызущего кору. Сердце бешено колотилось, и Филимон бросился вперед, вложив всю свою фехтовальную подготовку в один точный удар.

Острие его рапиры ударило зайца в бок… и со свистом соскочило с густой, сгущенной зимой шкуры. Заяц, скорее раздраженный, чем раненый, пнул ему снег в лицо и убежал.

Разочарование переросло в отчаяние. Он двинулся дальше. Именно тогда он увидел саблезубого волка, существо с мерцающей серебристой шкурой. Оно было крупнее обычного волка и сейчас пристально смотрело на него с вершины скалистого выступа. Выглядело… вполне управляемым.

Второй рывок Филимона был менее точным. Саблезубый волк увернулся с пугающей скоростью, и его рапира вонзилась в гнилое бревно. Пытаясь вырвать ее, он услышал низкое рычание. Саблезубый волк не убежал. Глаза хищника были черными бусинками злобы, а зубы исказились в оскале.

Он бросился в атаку.

Ужас превратил кости Филимона в воду. Он едва успел вытащить рапиру, крошечную серебряную палку, выставляя её вперёд, чтобы противостоять надвигающейся ярости. Волк отбросил его, врезавшись в мушкетёра головой, сила удара вывихнула плечо Филимона, и рапира полетело в сугроб. Горячее, шумное дыхание затуманило его лицо. Он отшатнулся назад, тяжело упав, волчий плащ запутался вокруг него. Это конец. Он умрёт, не в бою, а как глупый, бесполезный…

Глухой удар потряс воздух – тяжёлый, глухой звук столкнувшихся тел. Волк взвизгнул и пошатнулся. Возникший словно из ниоткуда Арктур уже был у него на спине. Он обхватил руками мощную шею зверя и сдавил, стискивая его шею почти до хруста. Мышцы на предплечьях Арктура вздулись канатами; саблезубый волк захрипел, забился, когти вспороли снег, но Арктур держал мёртвой хваткой, не давая дышать. Филимон, ошеломлённый, увидел, как ярость в глазах хищника сменяется паникой. Арктур рывком опрокинул волка на бок, откидывая от себя, и прорычал сквозь зубы, пока животное, отчаянно вырываясь, наконец не выскользнуло и, шатаясь, бросилось в заросли, поджав хвост. Арктур тяжело дышал, стоя между Филимоном и бежавшим зверем.

Его лицо выражало не обычный гнев. А настоящую апокалиптическую ярость.

— ТЫ АБСОЛЮТНАЯ, БЕЗМОЗГЛАЯ, ПУСТАЯ ТРАТА ВОЗДУХА! – взревел он, его голос эхом разнесся по деревьям.

Волк, поскуливая, скрылся в чаще. Арктур даже не посмотрел, как он уходит. Он резко обернулся к Филимону, который всё ещё лежал на спине в снегу.

— О ЧЁМ ТЫ ДУМАЛ?! – Он пнул рукоять рапиры Филимона, отчего оружие отлетело в сторону. – ЭТА ИГРУШКА? ПРОТИВ САБЛЕЗУБОГО ВОЛКА? ТЫ С ТЕМ ЖЕ УСПЕХОМ МОГ ПОПЫТАТЬСЯ ЗАЩЕКОТАТЬ ЕГО ДО СМЕРТИ!

Поток ярости обрушился физически – сокрушительный удар после адреналина предсмертного ужаса. Каждое слово было правдой. Он был безмозглым. Он был бесполезным. Отчаянная надежда доказать свою состоятельность рухнула под тяжестью его собственной некомпетентности и обжигающей, оправданной ярости Арктура.

В глазах Филимона нарастало жгучее, острое давление. Он попытался проглотить это, выдавить слабую шутку, но все, что вышло, – это сдавленный вздох. Он свернулся калачиком там, в снегу, великолепный волчий плащ теперь стал саваном, скрывающим его унижение. Горячие, полные стыда слезы хлынули потоком. Он не рыдал, а дрожал, беззвучные слезы прорезали дорожки на его лице.

— Я просто… – его голос был прерывистым, дрожащим шепотом, едва слышным. – Я просто хотел… вернуть что-то. Не просто… взять. Быть полезным.

***

— Итак, в тексте присутствует такой художественный троп, как “сарказм”. Когда принц Арктур говорит Филимону “защекотать саблезубого волка до смерти”, он не имеет в виду, что Филимон действительно должен это сделать. Сарказм используют, когда хотят высмеять что-то, имея в виду полностью противоположное от того, что сказали. Возможно, вы уже говорили сарказмом, но просто не знали, как это называется. Попробуйте теперь сказать что-то сарказмом, но сначала поднимите руку.

Одна из девочек поднимает руку, Мегара кивает ей.

— Мм… небо зелёное?

— Ты правильно поняла, что это должно быть неправдой, но сказать “небо зелёное” это не высмеивать кого-то.

— А как тогда?

— Смотри, например, человек говорит что-то глупое по твоему мнению, то ты можешь с насмешливой интонацией согласиться с ним. Так будет понятно, что ты на самом деле не согласна.

Мегара, встав с места, подходит к доске, взяв в руки мел, пишет на ней два слова: “Да, конечно”.

— Всего два слова, но в зависимости от интонации они воспринимаются по-разному. Интонация – это тон голоса, с которым ты произносишь те или иные слова.

Убедившись, что дети внимательно слушают и понимают, о чём она говорит, Мегара продолжает говорить.

— Да, конечно, – произносит она спокойным тоном, без упора на какую-либо эмоцию.

Помолчав несколько секунд, чтобы дети сумели понять разницу, продолжает.

— Да, конечно, – уже с ухмылкой, насмешливым тоном и несколько раз медленно кивая. – Согласитесь, есть разница. Первое было искренним согласием, второе – сарказмом. А теперь попробуйте сами.

Дети пробуют сначала нерешительно, потом всё смелее, видя отдачу Мегары, и в итоге почти каждый из них привёл хотя бы один пример сарказма. Некоторые из их фраз даже сумели насмешить Мегару, и до конца урока она сидела со слабой улыбкой.

— Вы большие молодцы, – срывается с её губ быстрее, чем она успевает опомниться и остановить себя. – Я очень вами горжусь.

Дети замолкают и смотрят на неё, не понимая, о чём она. Один из мальчиков поднимает руку и спрашивает.

— А что значит “горжусь”?

Что-то в груди Мегары болезненно щемит.

— Это… – хочет сказать она, но Фанес опережает её.

— Это значит, что кто-то очень за тебя рад. Мама мне такое часто говорит, когда я делаю что-то, что ей нравится.

— Да… Можно и так сказать, – Мегара сглатывает вязкую слюну, пытаясь сдержать слёзы, несмотря на жжение в глазах.

Она и не подозревала, что за воинской доблестью может стоять отсутствие ласки и тепла. Насилие в прошлом причинило ей ужасную боль, но дети, не знающие похвалы, разбивают ей сердце совершенно по-другому, особенно болезненно.

***

В коридоре вновь звучит эхо тяжёлых шагов, которые явно не принадлежат ребёнку, а в воздухе витает густая, как патока, аура присутствия. Ей не нужно поворачиваться, чтобы понять, кто это. В конце концов, кому бы ещё пришло в голову наведаться к женщине из Мшаири?

— Ваше Высочество, урок литературы кончился. Если вам нужно, чтобы кто-то прочитал вам вслух военное руководство, боюсь, я не подхожу для этого. Буду путаться в ударениях, – слова звучат с толикой иронии и самоуничижения

— Я пришёл сюда не за литературой.

Деймос не входит, оставаясь у дверного проёма. Из-за наблюдений за ней он понимает, что, переступив эту границу без приглашения, он погрузится в её молчание, столь же непроницаемое, как стены его Каструма. Он видел, как она вздрагивала, когда мужчины-инженеры подходили слишком близко, как её взгляд метался к выходу, прикидывая, как бы сбежать. Поэтому он решил дать ей место. Больше пространства. Больше воздуха. Из вежливости или же уважения к одному из немногих, если не к единственному, кто не смотрел на детей его

народа, как на дикарей. Мегара смотрела на них, как на тех, кому не давали возможности изучить что-то, кроме пения клинков и хора войны.

Может быть, Тан Ихеарган и был чужим для неё, но этот класс – её территория, на которую он не ступит без приглашения.

— Тогда зачем вы пришли?

— Я пришёл понаблюдать за вашей операцией.

— Это не операция, а урок литературы. И тут не на что смотреть, Ваше Высочество. Здесь лишь дети, книги и пыль, – она, наконец, поворачивается к нему лицом, но её взгляд был устремлен куда-то за его плечо, отказываясь встречаться с сиянием его янтарных глаз. – Уверяю вас, это далеко не так эффектно и интересно, как ваше военное мастерство.

Деймос молчит, его сосредоточенные глаза, в которых отсутствует даже намёк на похоть, скользит по её фигуре, словно изучая новый вид оружия, прежде чем уйти в сторону – на яркие рисунки Фанеса на стене. Его густые брови опускаются, создавая хмурый вид.

— Вы боитесь меня.

— Я чувствую себя неспокойно в обществе мужчин, Ваше Высочество, – сухо замечает Мегара, но ей становится легче, когда взгляд принца не устремлён прямо на неё, её напряжённые плечи немного расслабляются. – Здесь есть отличие.

— Разве? Вы сжимаете в руке тряпку, словно меч. Ваши плечи напряжены. Вы в любую минуту ждёте нападения, – его янтарные глаза возвращаются к её лицу. – Тело не может врать, как бы ни был остёр твой язык, женщина из Мшаири.

Кровь внутри Мегары становится холодной, как лёд, кадык дёргается, а рука до побеления костяшек сжимает тряпку, которой она ранее вытирала доску. С губ срывается почти циничный смешок.

— Вы наблюдательны, Ваше Высочество, – в её голосе не ощущается искреннего комплимента.

— Я воин. Наблюдательность неразрывно связана с выживанием. Невнимательный солдат – мёртвый солдат, – Деймос указывает на свой торс, словно подчёркивая значимость собственных слов. – Я знаю слабости своих противников. И я знаю, когда кто-то прячет рану.

У неё перехватывает дыхание. Мегара чувствует, будто принц смотрит прямо сквозь неё, мимо учителя, мимо женщины с острым языком, и видит прячущуюся внутри испуганную пятнадцатилетнюю девочку. Она опускает голову и отворачивается, разрывая зрительный контакт.

— Если пришли поиздеваться надо мной, Ваше Высочество, можете делать это, сколько вам угодно. Но не думайте, что у вас есть право лезть ко мне в душу, – нахмурив дрожащие брови, чтобы сохранить хотя бы призрачное наличие гордости в присутствии Деймоса, Мегара поднимает взгляд, и в нём читается решимость, смешанная с почти животным страхом. – Я не полис, который вам нужно захватить. Я – это бьющееся сердце, я – это тело, которое кровоточит, если его ранить. А слова ранить могут не хуже оружия.

Несколько мучительных долгих секунд он молчит. Его янтарные глаза продолжают сверлить её мягкое, немного пухлое лицо, прежде чем веки скрывают их. Принц слегка опускает голову, и с его губ срывается звук, который она никогда не думала услышать от него. Мегара поклялась бы на могиле отца, что Деймос только что издал нечто, похожее на смешок.

— У тебя есть стержень, женщина из Мшаири. Заявлять царской знати о неимении прав на что-то – это высшая степень дерзости, – Деймос кивает то ли самому себе, то ли ей, прежде чем развернуться, чтобы уйти.

Но он останавливается, чтобы бросить через плечо сухое замечание, которое было ни то предупреждением, ни то признанием.

— В тебе живёт дух воина, но он заключён в теле, которое помнит о проигранной битве.

После этого принц уходит, не обернувшись.

Оставшись в одиночестве, в тишине, давящей сильнее обычного, Мегара разжимает пальцы и роняет тряпку, её колени обмякают настолько сильно, что она падает вслед за мокрой тканью на пол, дрожа, как тонкая сухая травинка на ветру.

***

Воздух вокруг полиса Аргос-Гефестос всегда тёплый, даже когда Нюкта укрывает весь мир убаюкивающей темнотой. Всё из-за сотен горящих кузниц, что, казалось, не останавливались ни на мгновение, отдавая честь своему божеству.

Небольшой отряд гоплитов, человек двенадцать, во главе с эномотархом Леандром находится на горе неподалёку от города, смотря на сияющие огни. Личный элитный отряд принца Деймоса, где воины больше полагаются на смекалку и хитрость, чем на открытое противостояние.

Остальные воины спят, на дежурстве остаётся один из них – Мелитон, красивый молодой мужчина с прямым носом, копной прямых серебристых волос и медовыми глазами, которые, казалось, полностью передавали его имя. Из-за ветра, гуляющего в горах, он немного мёрзнет, из-за чего неосознанно потирает плечи. Да и рассвет только наступает, так что земля ещё холодная. Мелитон сзади слышит шаги, но не оборачивается. Вскоре на его голову приземляется плащ с уже знакомым запахом, гоплит приподнимает его край, упавший на лицо, и смотрит на пришедшего.

— Ты опять меня укрыл.

— Не люблю, когда кто-то из моих людей дрожит по утрам, – сухо произносит Леандр, становясь рядом и немного наклоняя голову, чтобы посмотреть на сидящего гоплита.

Мелитон натягивает на себя плащ, кутаясь и утыкается в него носом, продолжая смотреть перед собой, на горящие кузницы. Они должны проникнуть в ряды Аргос-Гефестос и выведать у них информацию, что может сыграть на руку принцу Деймосу. Непонятно, сколько времени займёт их цель и вернутся ли они вообще живыми. Но почему-то Мелитон почти не боится.

— Это опасная миссия. Почему ты выбрал меня? Я ведь…

— Ты мягче, – заканчивает за него Леандр. – Значит врёшь убедительно. Сопереживание сложно подделать.

Гоплит замолкает, немного оттягивает плащ и смотрит на красную ткань, проводя по ней большим пальцем. На мгновение его переносит на шесть лет назад – ему восемнадцать, *эномотарху* Леандру двадцать два. Они вместе проходили через муштру: Леандр должен был закончить через год и стать полноценным гоплитом, а у Мелитона путь в третьей когорте только начинался. Леандр стал его наставником и надёжным другом, товарищем по оружию.

— Когда-то мы были равными… А теперь я должен называть тебя эномотархом на людях.

На какое-то время повисает тишина, нарушаемая только пением птиц. Тёмно-бирюзовые волосы эномотарха Леандра колышет вновь подувший ветер.

— Наедине можно звать друг друга по имени.

— А если кто-то услышит?

— Тогда говори тише.

— Хорошо, – кивает Мелитон с призраком улыбки на губах, шёпотом добавляя. – Леандр…

Никто из них не проронил ни слова, пока солнце не взошло.

Украв одежду у проходящих мимо жителей и избавившись от улик, отряд переодевается, маскируясь под местных. Мелитон поправляет ремень на плече Леандра, хотя тот и так сидит идеально. Слишком волнуется. Это его первое серьёзное задание, и он боится подвести Его

Высочество. Эномотарх Леандр ловит его запястье, изумрудные глаза смотрят из-под хмурых бровей.

— Если сегодня будет тяжело, — шепчет он тихо, чтобы никто не услышал, — держись рядом. Не геройствуй.

Мелитон кивает, не отводя взгляда.

— Я всегда рядом, когда ты позволяешь… Эномотарх.

Леандр отпускает его руку, но на миг их пальцы касаются друг друга.

***

Терапон далеко не нежный человек, да и ленивым его назвать нельзя. Однако, если была возможность не идти в Подземный театр – он с радостью ею пользовался. Смотреть на кровь и страдания там ему не кажется развлечением. С тех пор, как в двенадцать он увидел первую смерть в этом стальном подобии колизея, Терапон решил для себя, что не хочет видеть подобные вещи за пределами войны.

И всё же он вынужден ходить на почти каждую жатву из-за своего звания. Телохранитель принца. Его правая рука. Близкий товарищ. Не принять приглашение Деймоса означало бы показать ему высшую степень неуважения. Да и повергать спину принца опасности он не собирался – его главной обязанностью было защищать жизнь Его Высочества, даже если придётся пожертвовать собственной.

Терапон спускается по широкой лестнице, уходящей прямо под землю, и каждый шаг отдаётся гулким эхом в стальных рёбрах продолговатого коридора. Паровые лампы в форме горящих глаз Ареса словно горят красноватым светом, отбрасывая длинные тени на стены, покрытые заклёпками и стальными пластинами. Где-то глубоко внизу ритмично шипит пар, словно само чрево земли дышит своими широкими лёгкими.

Здесь не было ни чистого воздуха, ни солнца — только огромная овальная чаша, вырубленная в породе и укреплённая толстыми стальными балками. Над ареной нависают массивные решётки и механические мостки, по которым ходят стражники с паровыми луками, за спинами у них висят мешки со стрелами. В воздухе витает мелкая пыль, смешанная с песком и кровью. Она оседает на языке горьким привкусом.

“Лучше десять раз сразиться с Гидрой, чем один раз оказаться здесь.”

Когда Терапон выходит на балкон для приближённых к царской знати, рёв толпы почти оглушает его. Сотни голосов – инженеры, гоплиты, жрецы, парфюмеры, приезжие незнакомые гости – кричат, свистят, бьют кулаками по перилам. Внизу, на арене, очередной преступник – поджарый, хмурый гоплит, который угодил сюда за распитие алкоголя на важной миссии, из-за чего погибло несколько его товарищей – стоит перед большой статуей льва.

Статуя прекрасна и страшна. Высотой больше на голову обычного льва, отлитая из тёмной бронзы, с глазами, горящими тусклым красным светом. Сила Ареса течёт в ней медленно и тяжёло, словно густая кровь бога войны. Но самого присутствия бога там нет – лишь остаточная сила. Когда лев начинает двигаться, сочленения тихо скрипят, а из пасти вырывается клуб горячего пара.

Терапон сжимает челюсти.

Он видит, как “лев” прыгает. Преступник едва успевает откатиться. Бронзовые когти высекают искры из стального пола, усыпанного слоем песка. Толпа взвывает от восторга. Для них это спектакль. Для Терапона – мерзкое извращение всего, во что он верит и когда-либо верил. Божественная сила Ареса, данная для защиты каструма, используется, чтобы оживлять статуи для потехи людей и “искупления” преступников.

Когда лев наконец наносит смертельный удар, разрывая человеку грудь, статуя замирает. Красный свет в глазах гаснет. Через несколько секунд бронза начинает трескаться, рассыпаясь тяжёлыми кусками, словно высохшая глина, и становится песком. Завтра, или послезавтра, она снова окажется на своём обычном месте, стоя, как обычная статуя и будет ждать следующего бойца.

Терапон отводит взгляд, не желая смотреть на следующего выходящего бойца. Нет, ему не страшно. За тринадцать лет в тан ихаэ и две военные кампании он привык к насилию и смерти людей. Но слова “устал” в ихеарганском словаре нет и никогда не было.

— В чём дело? – Деймос отпивает гранатовый сок, глядя на товарища, что выглядит немного… поникшим, если это можно было так назвать.

— Ваше Высочество, я бы предпочёл приносить пользу каструму вместо того, чтобы прохлаждаться здесь. Крови мне и на фронте достаточно.

Деймос издаёт тихий звук – то ли хмыканье, то ли мычание в знак согласия. Терапон не смог расслышать из-за шума.

— Традиции нужно соблюдать.

— Да, Ваше Высочество.

Он терпит нахождение в этом кроваво-стальном аду ещё несколько часов, прежде чем покинуть его вместе с принцем Деймосом, идя ровно в двух шагах за его спиной.

***

Поздний вечер укрывает каструм тёмно-синим одеялом, усыпанном звёздами. Стрекотание редких сверчков – музыка, сопровождающая мужчину весь его путь. Вернувшись домой, Терапон бросает взгляд на комнату Алтея – из дверного проёма видно, как та сидит за столом и что-то пишет перьевой ручкой на пергаменте, нахмурив светлые брови и поджав губы. Мягкий свет от паровой лампы падает на её лицо, а края её волос почти сияют оранжевым, отражая его. Он рассматривает её ручку – тонкую, аккуратную, покрытую веснушками, с выступающей косточкой на кисти, – как вдруг та замирает. Переведя взгляд на лицо девушки, Терапон замечает, что она смотрит на него.

— В чём дело?

— Что ты пишешь?

Алтея отворачивается и отодвигает пергамент, явно не желая, чтобы её владелец увидел то, что там написано.

— Ерунда. Ничего, что должно беспокоить благородного воина.

Терапон вздыхает с закатыванием глаз, скрещивая руки на груди. Снова этот разговор. Похоже, лаконичность и краткость с ней не работают. Ему придётся проговорить ту же самую мысль в этот раз немного дольше.

— Пожалуйста, – начинает он тихим голосом, входя в её комнату. – Перестань вести себя так, словно я твой хозяин. Мне достаточно мабэрис, которых я учу. Я не хочу раздавать указы ещё и дома.

— Легко тебе говорить, – фыркает Алтея. – Я тебе принадлежу, как и этот дом, как и стол, за которым я сижу. Ты не можешь говорить мне, как себя вести, потому что ты не знаешь, что значит чувствовать себя вещью.

— Ты ошибаешься, – он подходит к ней и встаёт рядом.

Мужчина слегка наклоняется, чтобы не нависать – за двадцать восемь лет он набрался уже достаточно опыта, так что знает, как люди ведут себя в уязвимый момент, и ему вполне хватило полугода, чтобы понять, как ведёт себя Алтея.

— Моё имя – это моё звание. Терапон означает “боевой товарищ и оруженосец царя”. Ещё до моего рождения было решено, что я стану личной охраной Его Высочества.

Девушка снова поднимает на него взгляд, слегка вжимая голову в плечи – стыдно. Признавать это вслух, она, конечно же, не станет. Но теперь, похоже, понимает наконец, что они оба знают, каково это – не принадлежать себе.

— И ты… просто живёшь с этим?

— Интересы Его Высочества – это мои интересы. Я убью за него. Я умру за него.

— Это не то, что я спросила, Терапон, – Алтея замолкает, в задумчивости постукивая пальцем по столу. – Я имею в виду, ты счастлив?

Терапон сводит брови к переносице, его губы сжимаются в тонкую полоску. Пальцы, лежащие на его предплечье, сжимаются.

— Это не важно. Я оружие Его Высочества.

— Я уважаю твою преданность Принцу Деймосу, но ты должен заглянуть внутрь себя и задать себе вопрос: кто ты без него?

Вопрос проникает под кожу и въедается в его сердце. А если действительно задуматься… Что означает Терапон? Это охранник принца или *человек*, что охраняет? Кто он? Чего он хочет? Что он из себя представляет за пределами своего долга? Есть ли у него личность, и может ли быть личностью человек, у которого нет даже собственного имени?

— Мне нужно заточить спату. Она затупилась, – врёт Терапон, уходя из комнаты, чувствуя на спине покалывание от взгляда Алтеи, что провожал его.

***

Утром Алтея, погрузившись в мысли, случайно врезается в Мегару, пока та раздевается в предбаннике. Лицо кареглазой женщины всё ещё покрывает оттенок сонливости от непривычности ранних подъёмов.

— Всё в порядке… Ты как?

— Нормально. Просто мысли, – бессознательно кивает Алтея, глядя в пол, пока они идут в сауну. – Слышала, что ты попала стрелой в летящую мишень. Достойно.

— Когда твоё тело недостаточно сильное, нужно использовать другие стороны.

— Ты слишком к себе строга, – Алтея открывает дверь, и горячий пар обдаёт их светло-серым облаком. – Ты сильная. Намного сильнее меня. Я даже драться не могу. Мой предел это ударить и убежать, спрятавшись за кого-то пострашнее.

— Вместо силы ты используешь ум и хитрость. Это хорошо.

Алтея многозначительно оглядывается на Мегару, вопросительно выгнув бровь. Та делает вид, что не заметила, садится на лавочку и начинает намыливать мочалку.

— Хей, голубка, опять себя наглаживать собралась? – Алекто, возникшая у неё под боком, с усмешкой нависает над ней. – Иди сюда, я устрою тебе настоящее мытьё.

— Нет, умоляю, не надо, – подскакивает с места Мегара, начав пятиться. – Моя кожа слишком нежная, я не могу мыться, как вы.

— Научишься. Ловите её! – Алекто бросается за убегающей Мегарой.

Та носится по бане, стараясь не врезаться в моющиеся тела, но безуспешно.Её подхватывают за руки две другие женщины и удерживают на месте, позволяя Алекто начать очередную пытку из причинения добра.

— БОЛЬНО! – кричит она, пока ихеарганские боевые леди начинают её добротно тереть мочалкой.

Алтея обречённо вздыхает и начинает мыться, стараясь не обращать внимания.

***

Мегара выходит обратно в предбанник, дрожа и боясь касаться своих плеч лишний раз. Они снова красные и горят так, словно их окунули в Пирифлегетон. Алтея бросает на неё взгляд с чем-то, похожим на сочувствие.

— Смотреть жалко, – вздыхает она. – Я могу сделать для тебя мазь.

— Было бы славно… – Мегара вздрагивает, когда пытается надеть на себя хитон, шипит и пытается немного по-другому. – Не понимаю, как ты сумела к этому привыкнуть, я как будто в огненной реке побывала.

— Я стараюсь смотреть на это, как на новое мировоззрение. Когда думаешь о том, чтобы очистить тело от всего зла, что оно перенесло, становится проще. Тогда боль становится облегчением, а не пыткой.

Мегара, пытаясь не обращать внимания на то, как воздух болезненно дразнит её плечи. Всё-таки ей больше по душе мыться привычным образом. Потому что очищать себя от зла подобным образом кажется ей заменой одной боли на другую.

— Я не хочу к этому привыкать, – тихо бормочет она, будто боится, что ихеарганские женщины услышат её и обидятся.

— Тогда борись, – Алтея заплетает светлые волосы в косу. – Сопротивляйся. Докажи, что у тебя есть зубы и ты не стесняешься их применить.

— Начинать драку из-за душа?...

— Не из-за душа, а из-за права мыться так, как ты хочешь.

— Мгм…

Окончательно одевшись, они выходят из бани вместе в улицу, наполненную шумом людских голосов и гулом кузниц. Алтея собирается уйти, но Мегара окликает её.

— Не хочешь зайти ко мне? – её голос звучит немного стеснительно. – Мой сын повесил новые рисунки на стену класса...

— У тебя есть сын?

— Да. Он дремал, когда ты приходила в прошлый раз. Я хотела бы вас познакомить, – Мегара неловко улыбается. – Думаю, ты ему понравишься.

— Я не очень хорошо схожусь с детьми, – сухо подмечает Алтея.

— У него удивительная способность очаровывать людей. Просто попробуй поговорить с ним и сама убедишься.

Девушка медлит с ответом, стуча носком ноги по земле, прежде чем пробормотать.

— Тогда можем завтра пойти на День чествования Ареса. Думаю, вам с сыном будет интересно посмотреть на соревнование мабэрис.

— Я видела это слово на объявлении, но не поняла, что оно значит. Какое-то звание?

— Солдаты средней группы. Мальчики и девочки с пятнадцати до семнадцати.

— Вот как… Думаю, да, Фанес захочет сходить. Это похоже на Золотое Стрельбище на моей родине.

— Тогда до завтра?

— До завтра, – кивает Мегара, уходя, но бросает через плечо. – Крепкой руки, Алтея.

За спиной слышится смешок и тихое.

— Крепкой руки, Мегара.

***

День чествования Ареса оказывается целым испытанием для Мегары ещё на момент выхода из дома – ей кажется, что такое огромное количество людей она не видела ни на одном Золотом Стрельбище, куда ходила с родителями и Секлетеей. И вся эта толпа уходила под землю, под сияние красных паровых ламп. Мегара, оглядываясь по сторонам, неосознанно берёт впереди идущую Алтею за хитон, чтобы не потеряться, а второй рукой держит Фанеса.

— Всё в порядке, – Алтея не оглядывается.

— Разве это место существует не для наказаний? Принц Деймос ведь отправляет сюда преступников…

— Божественное присутствие.

— …Чего?

— В статуях, что используются для наказаний, присутствует отголосок Божественной силы. Они верят, что в Дни чествования Богов войны Арес и Афина наблюдают за ними через глаза этих статуй. Так что в определённые дни в году Театр это место не для наказаний, а для возможности проявить себя.

Мегара кивает, продолжая идти вперёд, периодически оглядываясь на Фанеса, что с широкими от удивления и любопытства глазами вертит головой по сторонам.Они спускаются на балкон над ареной. Ихеарганцы широкими и длинными рядами сидят, ожидая начала соревнований среди мабэрис. Даже с такого расстояния она может разглядеть группы девушек и парней на арене. На противоположной её стене красуется стальная вывеска с символикой Ареса – шлемом с высоким гребнем, копьём и щитом, – и высеченными словами: “Μολὼν λαβέ”. Приди и возьми свой шанс на искупление. Приди и возьми свою победу.

— Алтея, – незнакомый мужчина хлопает её по плечу, привлекая внимания. – Терапон сказал тебе пройти на главный балкон.

— Там же приближённые к Его Высочеству. Я там зачем? И я с сопровождением.

— Не моё дело. Сказали тебя позвать – я позвал.

— Хорошо, – Алтея указывает Мегаре в сторону главного балкона. – Пойдём туда. Пусть Терапон сам разбирается.

Когда они обе протискиваются ко входу на главный балкон, под которым висит фиолетовая ткань, означавшая царскую знать, Терапон, увидев их, кивает в знак признательности.

— Не ожидал увидеть тебя здесь, Мегара.

— Алтея позвала меня.

— Рад, что ты нашла товарища, Алтея, – мужчина поворачивается к ней, уголки его губ слабо изгибаются. – Надёжная рука укрепляет дух.

— Зачем ты позвал меня сюда? Я же не приближена к Его Высочеству.

— Ты живёшь со мной, поэтому Принц Деймос не против, чтобы ты здесь находилась.

— А что насчёт неё? Мы же пришли вместе. Я не могу бросить её одну.

— Минуту, – Терапон отходит к Деймосу, сидящему на троне, покрытом фиолетовой тканью. – Ваше Высочество, вы мне разрешили пригласить Алтею. С ней пришли Мегара и её сын. Могут ли они тоже здесь находиться?

Принц Деймос, до этого сидящий с отсутствующим взглядом, выпрямляется при её упоминании, слегка сдвинув брови к переносице.

— Пусть. Ментор должен узнавать нашу культуру.

— Слушаюсь.

Терапон глубоко, но коротко кланяется. Вернувшись обратно к Мегаре и Алтее, он протягивает руку в сторону свободных кресел на балконе. Мастерски высеченный камень ничем не прикрыт. Мегара садится на одно из них, притянув Фанеса и сажая к себе на колени.

— Мам...

— Да, Фанес?

— Я хочу сидеть сам, – мальчик спрыгивает с её колен, даже не дожидаясь разрешения.

— Кажется, кое-кто пытается подражать, – Алтея не сдерживает смешок и на непонимающий взгляд Мегары кивает на Деймоса, оглядываясь на которого Фанес устраивается на соседнем кресле и точно так же, как мужчина, упирается локтем в подлокотник, кулаком подпирая подбородок.

— Ох, – Мегара прикрывает ладонью рот, хихикая.

С арены начинает доноситься нежная, ритмичная музыка. Пение лиры, пары авлосов и тимпанов долетает до ушей Мегары, несмотря на общий шум в Театре. Юные воины начинают прыгать по арене, их босые ноги ударяются о ягодицы в каждом прыжке. Кто-то прыгает чаще, кто-то – медленнее, но выше. Но каждый соревнующийся делал это с большим усердием.

— Что они делают? – наклоняется Мегара к Алтее.

— Это называется бибасис. Атлетический танец, чествующий Бога войны, – Алтея показывает двумя пальцами на мужчину, стоящего недалеко от музыкантов, с такого расстояния на него можно было и не обратить внимания. – Видишь того человека? Его называют наблюдателем. У него в руках часы, на них он засекает три минуты. Каждый, кто перестаёт прыгать раньше, чем истечёт время, выбывает.

Мегара кивает и снова садится прямо, внимательно следя за участниками. По началу она даже пытается считать прыжки, но быстро сдаётся, сбиваясь со счёта в третий раз. Однако её внимание привлекает одна из девушек, которая, казалось, стала единым целым с воздухом, потому что прыгала так легко, словно её мышцы вообще не чувствовали какой-то тяжести или напряжения.

Со стороны танец выглядит довольно просто – нужно просто прыгать и бить по ягодицам ступнями, но чем больше времени шло, тем больше юные воины уставали.

К концу трёх минут выбыло пять парней и пять девушек, уходящих с арены под крики зрителей. Со свистом механических часов в руках наблюдателя прыжки прекращаются.

Следующим испытанием становится бег. Наблюдатель проводит с противоположной от состязающихся стороны две черты на песке. К соревнующимся подходит мужчина в парадных доспехах – видимо, один из учителей. Он машет рукой, и соревнующиеся выстраиваются в два ряда по два человека. Мегара слегка ёрзает на месте, оглядываясь на сына. Фанес старается выглядеть серьёзным, но по сжатым в бантике губам понятно, что он сдерживается для того, чтобы больше походить на Деймоса, наблюдающего за состязанием с выражением лица статуи.

Мужчина в парадных доспехах свистит, зажав два пальца между губами, и первые пары срываются с места, побежав к чертам возле наблюдателя. По зрительским рядам проносятся возгласы. Первые пары бегут – и это совсем не тот бег, который Мегара ожидала увидеть. Совсем не похоже на Герейские игры, о которых она читала. Никаких лёгких шагов, никакой плавности. Песок летит из-под ног, тяжёлое дыхание вырывается из груди соревнующихся с такой силой, словно каждый выдох – это удар. Мегара обращает внимание на бегущих девушек: одна высокая и жилистая, с каштановыми волосами, собранными в тугой узел на затылке, вторая ниже, но шире в плечах – Мегара узнаёт в первой ту самую, что во время танца казалась невесомой. Сейчас она не выглядит она выглядит натянутой тетивой. Ближе к черте она отталкивается от песка и почти пролетает оставшееся расстояние, оказываясь за чертой, и Мегара не замечает, как сама начинает подбадривающе кричать, вскинув руки, вместе с остальными зрителями.

— Кто-то приглянулся? – Терапон замечает её энтузиазм, заставляя женщину покраснеть и быстро прижать руки к коленям.

— Девушка с каштановыми волосами, собранными в пучок, неплохая…

— Её зовут Гаяна. Она одна из лучших мабэрис среди девушек.

— Вы думаете, она победит?

— Главное это сила тела и духа воина, а не мысли смотрящих. Мы можем только запечатлеть их триумф или поражение.

Мегара продолжает наблюдать за бегущими: те, что приходят к черте позже соперника, покидают арену, а те, что прибегают первыми, уходят в сторону и ждут. К концу остаётся десять девушек и десять парней. Гаяна становится одной из первых, кто открывает следующий забег. Её поджарое и длинное тело напоминает Мегаре притаившуюся львицу. Раздаётся свист, и две пары срываются с места. Мегара наблюдает за Гаяной почти с благоговением: что её "любимица", что соперничающая с ней девушка, идут почти вровень, пока Гаяна не вырывается вперёд в последний момент, пересекая финишную черту первой. По зрительским рядам снова прокатывается волна криков, а Мегара лишь сдержанно машет кулачком, приподняв руку, но на её губах появляется слабая улыбка.

Дальше идёт метание копья. Цель – бросить копьё как можно дальше.Мегара бессознательно пригибается каждый раз, когда мабэрис отправляет копьё в полёт.

— Ва-а, как далеко, – Фанес чуть наклоняется вперёд, когда крепкий юноша кидает копьё дальше своих противников. – Он победил? Мама, он победил?

— Его копьё дальше остальных, так что он не выбывает из соревнования, – Мегара треплет сына по волосам. – Посмотрим, победит ли он.

Копьё Гаяны оказывается на втором месте по дальности броска. Она проходит дальше.

Мабэрис покидают арену, шестеро прошедших уходят направо, четверо проигравших – налево, Мегара оглядывается на Терапона.

— Куда они?

— Идут вооружаться. Последний этап это битва.

— Но их же по трое…

— Драться с несколькими противниками – для ихеарганцев не проблема.

Мабэрис возвращаются на арену – и Театр встречает их гулом, который прокатывается по рядам, словно сама земля делает глубокий вдох перед бурей. Музыканты молчат. Теперь единственная музыка – это звук шагов и шум зрительских обсуждений.

Мегара подаётся вперёд, вглядываясь в преобразившихся воинов. Девушки – Гаяна и две её соперницы – облачены в лёгкие бронзовые шлемы с высокими гребнями из конского волоса. Гребни выкрашены в красный – цвет их Бога. Нагрудники отсутствуют – только плотные льняные хитоны, перехваченные кожаными ремнями на талии. В левой руке каждой – круглый щит-пельта, обтянутый бычьей кожей, достаточно лёгкий, чтобы двигаться быстро, но достаточно прочный, чтобы принять удар, в правой – деревянная спата. Парни выходят следом. Мегара замечает, что парень, чьё копьё улетело дальше всех, на полголовы выше остальных, но двигается с неожиданной для такого телосложения лёгкостью. У всех троих такие же пельты и спаты, такие же шлемы. Их задача – не покалечить, но показать силу, скорость и волю в бою. Учитель в парадных доспехах выходит в центр арены и втыкает в песок два коротких копья с красными лентами – метки для будущих победителей.

— Правила просты, – голос его разносится по Театру, усиленный акустикой каменных стен. – Бой идёт до тех пор, пока двое не окажутся на песке. Тот, кто коснётся песка спиной, коленом или плечом, выбывает. Победителем становится последний стоящий на ногах. Пусть Арес увидит вашу доблесть. Начинайте.

Сначала дерутся девушки.

Гаяна сразу уходит влево, разрывая дистанцию. Её соперницы – одна рыжеволосая, с коротко стрижеными волосами, торчащими из-под шлема, вторая темноволосая и коренастая – переглядываются. Мегара понимает их безмолвный сговор за мгновение до того, как они бросаются на Гаяну одновременно. Рыжеволосая атакует сверху, целя спатой в плечо. Темноволосая заходит сбоку, пытаясь ударить щитом в корпус и выбить равновесие. Гаяна встречает верхний удар на щит – глухой стук дерева, – а сама в этот момент резко уходит вниз, приседая на левую ногу, и темноволосая промахивается, по инерции пробегая мимо. Гаяна бьёт её

спатой плашмя по спине – не сильно, но достаточно, чтобы обозначить удар. Девушка спотыкается, но удерживается на ногах.

Рыжеволосая не даёт ей передышки. Она наседает – быстрая, агрессивная, её спата мелькает в воздухе, нанося удары один за другим. Гаяна отступает, принимая каждый на щит. Мегара замечает, что она не просто защищается – она ждёт. Её дыхание остаётся ровным, движения экономны. Ни одного лишнего шага.

— Хорошая стратегия, – бормочет Терапон.

— О чём вы?

— Гаяна изматывает её, – кивает Терапон, наклоняясь к Мегаре. – Смотри на ноги.

И правда: рыжеволосая начинает замедляться. Её удары теряют резкость. Гаяна ловит момент – спата противницы ударяется о щит и на долю секунды застревает, край дерева цепляется за край кожи. Гаяна резко выкручивает щит, вырывая спату из рук соперницы. Деревянный меч летит в песок. Рыжеволосая остаётся безоружной – и в этот момент темноволосая, оправившись, снова атакует со спины. Гаяна слышит шаги. Она не оборачивается – она падает вперёд, уходя в кувырок через плечо, и темноволосая проносится над ней, ударяя спатой в пустоту. Гаяна выходит из кувырка уже на ногах и, не теряя инерции, бьёт щитом в грудь темноволосой. Та падает на спину. Песок взметается облаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.